

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

КЭТИ РАЙХ

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР

РОМАН

Кэти Райх
Смертельный выбор
Серия «Темперанс Бреннан», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290732

Кэти Райх. Смертельный выбор: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-389-07643-3

Оригинал: KathyReichs, "Deadly Decisions"

Перевод:

И. Фирсова

Аннотация

Что может быть общего в смерти девятилетней девочки, ставшей случайной жертвой при разборках байкерских банд на улицах Монреаля, и останками подростка, погибшего много лет назад в Северной Каролине? Но время и расстояние вовсе не повод исключить вероятность связи между, казалось бы, несвязанными событиями. Во всяком случае, для такого знатока своего дела, как Темперанс Бреннан, которой за годы работы судебным антропологом приходилось повидать всякое.

Романы Кэти Райх о Темперанс Бреннан стали классикой детективного жанра, и славу их закрепил всемирно известный телесериал Кости, также ставший классикой жанра, но уже не в литературе – в кино.

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	20
5	23
6	29
7	34
8	42
9	48
10	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Кэти Райх

Смертельный выбор

Каролине Бич Банч, с любовью

Все герои и события этой книги целиком и полностью являются плодом воображения автора. Действие разворачивается в канадском городе Монреале, в Северной Каролине и других местах. В романе упомянут ряд реально существующих городов и учреждений, но еще раз хотелось бы подчеркнуть, что все изображенные персонажи и события вымышлены.

Кэти Райх – одна из ярчайших звезд на небосклоне современного детектива. Ее первый роман («Уже мертва») стал международным бестселлером и завоевал престижную премию Артура Эллиса за лучший детективный дебют 1998 года. Детальное знание предмета, многочисленные специфические подробности, наполняющие ее романы, – все это объясняется просто: Кэти Райх, как и Темперанс Бреннан, ее литературное alter ego, ученый – специалист по судебной антропологии, много лет практикующий как в Канаде, так и в Соединенных Штатах. Книги Райх переведены более чем на тридцать языков мира.

Романы о Темперанс Бреннан – это круто по-настоящему.
Newsday (New York)

Вы не сомкнете глаз, читая ночь напролет бестселлеры Кэти Райх о судмедэксперте докторе Темперанс Бреннан.
Entertainment Weekly

Потрясающие психологические портреты героев, профессионально выверенные детали и, конечно же, лихо закрученный сюжет. Прочсть обязательно!
New York Times

Читайте и ужасайтесь!..
Mademoiselle

Книга пугает и завораживает одновременно.
Publishers Weekly

Именно таким и должен быть детектив XXI века.
The Toronto Sun

Райх способна напугать вас до смерти.
Daily News

1

Ее звали Эмили-Энн. Девятилетняя девочка с черными кудряшками, длинными ресницами и кожей цвета карамели. В ушах крошечные золотые сережки-колечки. Во лбу два отверстия от пуль, выпущенных из девятимиллиметровой полуавтоматической «кобры».

* * *

Была суббота, но я работала по настоятельной просьбе шефа, Пьера Ламанша. Вот уже четыре часа я корпела в лаборатории, исследуя сильно поврежденные человеческие останки. Вдруг дверь распахнулась, и в просторное помещение для вскрытия стремительно вошел сержант-детектив Люк Клодель.

Мы с Клоделем как-то раз работали вместе. И хотя отношения между нами сложились вполне нормальные, даже можно сказать, наметилось нечто вроде взаимного уважения, со стороны все выглядит совсем иначе.

– Где Ламанш? – требовательно спросил Клодель, бросив быстрый взгляд на разложенные передо мной останки и затем столь же поспешно отвернувшись.

Я промолчала. Самый лучший способ общения с Клоделем, когда он в подобном настроении, – не обращать на него внимания.

– Доктор Ламанш здесь? – Детектив упорно отводил взгляд от моих покрытых слизью перчаток.

– Сегодня суббота, месье Клодель. У него выход...

В эту минуту в дверном проеме показалась голова Мишеля Шарбонно. Издалека доносилось жужжание и клацанье электрической двери.

– Le cadavre est arrivé¹, – доложил Шарбонно напарнику.

Чей труп доставили? И вообще, что привело в морг двух детективов из отдела убийств в субботний полдень?

Шарбонно, крупный мужчина с короткими волосами, похожими на колючки ежа, обратился ко мне на английском:

– Привет, док.

– Что случилось? – спросила я, стаскивая перчатки и опуская маску.

Лицо Клоделя посуровело, глаза угрюмо блеснули в ярком свете ламп.

– Доктор Ламанш будет здесь с минуты на минуту, – ответил детектив. – Он все объяснит.

Его лоб уже покрылся капельками пота, рот сжался в тонкую линию. Клодель ненавидит все, что связано со вскрытием трупов, и старается держаться от морга как можно дальше. Не сказав больше ни слова, он распахнул дверь и выскочил наружу. Шарбонно проследил за ним взглядом, затем повернулся ко мне:

– Клоделю сейчас нелегко. У него ведь тоже есть дети.

– Дети? – Внутри у меня все похолодело.

– Сегодня утром «Дикари» снова нанесли удар. Когда-нибудь слышали о Ричарде Маркотте?

Имя показалось мне смутно знакомым.

– Возможно, вы знаете его как Araigónne – Паука. – Он сплел пальцы в замок, костяшки побелели от напряжения. – Выдающийся малый. Выборное лицо в байкерской гангстерской

¹ Труп доставлен (фр.).

банде. Он у «Гадюк» начальником безопасности числился, но сегодня у Паука выдался поистине неудачный день. Утром, около восьми часов, когда Маркотт отправился в спортзал, «Дикари» изрешетили его из проезжающего автомобиля, в то время как подружка успела нырнуть в кусты сирени.

Шарбонно взъерошил волосы, нервно сглотнул.

Я молча ждала.

– В перестрелке погиб ребенок.

– О боже! – Мои пальцы судорожно сжали латекс перчаток.

– Маленькая девочка. Ее отвезли в монреальскую детскую больницу, но она умерла.

Сейчас тело привезли сюда. Маркотт скончался по дороге в больницу, так и не придя в сознание.

– Ламанш выехал?

Шарбонно кивнул.

В нашей лаборатории пять сотрудников по очереди отвечают на срочные вызовы. Необходимость внеурочного вскрытия или же присутствия патологоанатома на месте смерти возникает редко, но в подобных случаях специалиста всегда можно найти. Сегодня была очередь Ламанша.

Ребенок. Во мне все перевернулось, захотелось выбраться отсюда.

Часы показывали двенадцать сорок. Я резко стянула прорезиненный фартук, скомкала его вместе с маской и латексными перчатками и бросила все в контейнер для мусора. Вымыв тщательно руки, на лифте поднялась на двенадцатый этаж.

Не знаю, как долго я сидела в своем кабинете, бездумно устремив взгляд на реку Святого Лаврентия и позабыв на время о стоящем передо мной йогурте. Мне показалось, я слышала, как открывается дверь в кабинет Ламанша, потом до меня донеслось шуршание стеклянных перегородок, разделяющих секции нашего крыла.

Профессия судебного антрополога вырабатывает в человеке своего рода невосприимчивость к насильственной смерти. И так как мне не раз во время судебно-медицинской экспертизы приходилось извлекать крупницы информации из изуродованных, сторовших или разложившихся человеческих останков, то довелось видеть много такого, с чем обычный человек не справился бы. Морг и кабинет для вскрытия – вот где я провожу большую часть своего рабочего времени, поэтому мне известно, как выглядит и пахнет человеческое тело, что именно чувствуешь, когда держишь в руках его части или осторожно проводишь по телу скальпелем. Мне привычен вид окровавленной одежды, которая сушится на вешалке, визг пилы, вонзающейся в кость, колыхание человеческих органов, плавающих в пронумерованных банках для хранения препаратов.

Но видеть мертвого ребенка всегда страшно. Искалеченный младенец. Избитый до смерти малыш, едва начавший ходить. Умерший от истощения ребенок из семьи религиозных фанатиков. Двенадцатилетняя жертва извращенного педофила. Я так и не смогла привыкнуть к насилию над невинными детьми.

Не так давно я участвовала в расследовании жестокого убийства братьев-близнецов. Это дело оказалось одним из самых трудных за все годы моей практики в качестве судебного антрополога. И мне совсем не хотелось снова испытать подобные переживания.

То преступление нам удалось раскрыть. И я почувствовала удовлетворение, словно сделала что-то по-настоящему хорошее, когда фанатика, на руках которого была кровь мальчиков, удалось посадить в тюрьму, чтобы он больше уже не мог творить злодеяний.

Я отогнула крышку и ложкой стала медленно помешивать йогурт.

Образы погибших детей не выходили из головы. Я отчетливо помнила, что чувствовала в тот день в морге, как мысли то и дело возвращались к собственной дочери.

Боже милосердный, почему ты допускаешь существование подобного безумия? И почему те люди, чьи изуродованные тела сейчас лежат внизу, в покойнице, должны были погибнуть из-за начавшейся между байкерами войны?

«Не впадай в уныние, Бреннан. Лучше разолись. Рассердись так сильно, как только можешь. А затем призови на помощь свои знания, чтобы помочь прижать этих выроdkов».

– На том и порешим, – громко сказала я сама себе.

И, проглотив йогурт, решительно направилась вниз.

* * *

В помещении перед небольшим кабинетом для вскрытия находился один Шарбонно. Он листал страницы скрепленного пружиной блокнота. Его крупное тело с трудом вмещалось в виниловое кресло по другую сторону стола. Клодедя нигде не было видно.

– Как ее зовут? – спросила я.

– Эмили-Энн Туссен. Она шла на урок танцев.

– Где именно это произошло?

– В Вердене.

Он указал головой на соседнюю комнату:

– Ламанш уже приступил.

Я прошла мимо детектива в кабинет для вскрытия.

Фотограф щелкал камерой, пока патологоанатом вел записи и делал поляроидом резервные копии.

Я наблюдала за тем, как Ламанш, крепко держа камеру, поднимает и опускает ее над телом. Как объектив то приближается, то отдаляется в поисках лучшего ракурса для небольшой расплывшейся капли над одним из пулевых отверстий во лбу девочки. Ламанш нажал на спуск затвора, и из аппарата выскользнул белый прямоугольник. Ламанш вынул его и добавил к остальным, сложенным на столе.

На теле Эмили-Энн присутствовало множество следов, свидетельствующих о яростных попытках спасти ей жизнь. Хотя голова девочки была наполовину забинтована, можно было разглядеть прозрачную трубку, выходящую из черепа и другим концом подсоединенную к монитору, на котором отражалось внутричерепное давление. Эндотрахеальная трубка спускалась по горлу к трахее и пищеводу, чтобы насытить кислородом легкие и воспрепятствовать выходу наружу содержимого желудка. В подключичных, паховых и бедренных сосудах девочки остались катетеры для внутривенного вливания. Круглые белые кусочки пластыря на коже, которыми присоединяли электроды во время электрокардиограммы, все еще оставались на ее груди.

Такое неистовое вмешательство, почти штурм. Я на мгновение закрыла глаза, и обжигающие слезы скатились по щекам.

Я заставила себя снова взглянуть на маленькое тельце. На Эмили-Энн не было ничего, только пластмассовый больничный браслет. Рядом бесформенной кипой лежали свернутая в узел одежда, розовый рюкзак и пара высоких красных кед.

Вокруг слепящий флуоресцентный свет. Сверкающая сталь и кафель. Холодный блеск стерильных хирургических инструментов. Маленькой девочке здесь не место.

Я отвела взгляд от тела и наткнулась на печальные глаза Ламанша. Я знала, о чем он сейчас думает, хотя ни один из нас и словом не обмолвился. Еще один ребенок. Еще одно вскрытие в той же самой комнате. Все повторяется.

Загнав разгоревшуюся ярость в дальний угол души, я сухо изложила, как обстоят дела с моими собственными изысканиями. Я занималась телами двух байкеров, разбившихся из-за собственной глупости, и поинтересовалась, когда можно будет ознакомиться с медицин-

скими отчетами. Ламанш сообщил, что материалы уже запрошены и должны прийти в понедельник.

Я поблагодарила его и вернулась к собственной тягостной работе. Разбирая ткани, вспомнила состоявшийся накануне разговор с Ламаншем, и мне нестерпимо захотелось снова оказаться в глухих лесах Виргинии. Неужели Ламанш только вчера мне туда звонил? В это время Эмили-Энн еще была жива.

Как сильно может измениться мир всего лишь за какие-то двадцать четыре часа!

2

За день до всех этих событий я находилась в Квонтико, куда меня пригласили провести семинар по восстановлению останков в Академии ФБР. Группа техников по восстановлению улик как раз извлекла из земли скелет и наносила на бумагу его строение, когда я заметила пробирающегося через заросли в нашу сторону специального агента. Он доложил, что доктору Ламаншу необходимо срочно со мной переговорить. Предчувствуя неладное, я оставила группу выполнять задание, а сама поспешила через лес к своей машине.

Пробираясь к дороге, я думала о Ламанше и причинах его звонка. Я начала сотрудничать с судебно-медицинской лабораторией в начале девяностых, сразу как приехала в Монреаль по преподавательскому обмену между Университетом Макгилла и моим родным университетом в Шарлотте. Узнав, что я получила сертификат Американского совета по судебной антропологии, Ламанш решил, что стоит пригласить меня к себе.

В провинции Квебек существует централизованная коронерская система, включающая в себя множество усовершенствованных аналитических и судебно-медицинских лабораторий, но нет ни одного судебного антрополога, сертифицированного советом. Тогда я уже работала консультантом в департаменте главного медицинского эксперта штата Северная Каролина, и Ламанш пригласил меня в «Лаборатуар де медисин легаль» – судебно-медицинскую лабораторию Монреаля. Министерство финансировало создание антропологической лаборатории, а я записалась на углубленные курсы французского языка. И вот уже больше десяти лет ко мне поступают для анализа и идентификации трупы жителей провинции Квебек, превратившиеся в скелеты, раздробленные, мумифицированные, сгоревшие или искалеченные. Там, где обычное вскрытие бесполезно, обращаются ко мне, и я по мере возможности извлекаю информацию из костей.

Нечасто Ламанш оставлял для меня сообщение с грифом «Срочно». Но если такое случилось, тогда ничего хорошего ждать не приходилось.

За считанные минуты мне удалось добраться до фургона, припаркованного на обочине посыпанной гравием дороги. Я тряхнула головой и провела рукой по распушенным волосам.

Хорошо хоть клещей здесь нет.

Снова закрепив заколку, я достала с заднего сиденья ранец и вытащила сотовый телефон. На небольшом экране высветилось сообщение о том, что пропущено три вызова. Я проверила номера. Все три – из лаборатории.

Попыталась дозвониться, но сигнал то и дело пропадал. Именно поэтому я и оставила телефон в машине. Проклятье! Хотя мой французский заметно улучшился за прошедшие десять лет, проблемы с пониманием весьма нередки из-за плохой связи. С учетом языкового барьера и слабого сигнала вряд ли мне удастся связаться с лабораторией с этого телефона. Придется сначала добраться до штаба.

Я расстегнула комбинезон из герметичного пластика и положила его в ящик в кузове фургона. Потом, закинув рюкзак за спину, направилась вниз по холму.

Высоко над деревьями нарезал круги ястреб, высматривая добычу. По небу, сверкающему прозрачной голубизной, неспешно проплывали причудливые ватные облака. Тренинг обычно проводили в мае, и нас слегка беспокоило, что апрель в нынешнем году, по прогнозам, обещал выдаться дождливым и холодным. Опасения, к счастью, не подтвердились. Термометр показывал больше семидесяти градусов по Фаренгейту.

Я шла по дороге и вслушивалась в звуки окружающего мира. Скрип ботинок по гравию. Пение птиц. Грохот лопастей вертолета, пролетающего совсем низко. Хлопки далеких выстрелов. В Квонтико размещается не только ФБР, здесь также находятся учебные центры

других федеральных полицейских структур и корпуса морской пехоты. Так что в этих лесах постоянная и весьма серьезная активность.

Дорога из гравия перешла в асфальтобетон у аллеи Хогана, как раз возле имитации городского квартала, используемого для тренировок ФБР, управлением по борьбе с наркотиками, оперативным соединением ОВМС НАТО и другими службами. Пришлось сделать большой крюк влево, чтобы обойти это место подальше. Мне вовсе не улыбалось оказаться на пути курсантов в самый разгар тренировки по спасению заложников. Затем я свернула направо к Гувер-роуд и пошла вниз по холму к ближайшему серо-коричневому бетонному комплексу с вздымающимися к небу с самых высоких зданий антеннами, похожими на молодые побеги в старой изгороди. Миновав небольшую парковку учебного центра судебно-медицинских исследований, я позвонила в дверь погрузочной платформы.

Боковая створка отъехала, и в образовавшуюся щель высунулся мужчина. Несмотря на молодость, он уже был совершенно лыс, и казалось, что таким он и родился.

– Решили сегодня пораньше закончить?

– Нет. Мне надо позвонить в лабораторию.

– Можете воспользоваться телефоном в моем кабинете.

– Спасибо, Крейг. Много времени это не займет. – Хотелось бы, чтобы это оказалось правдой.

– Я проверяю оборудование, так что не торопитесь.

Академию часто сравнивают с клеткой для хомячков, потому что расположенные на территории здания соединяются между собой самым настоящим лабиринтом туннелей и коридоров. Но верхние этажи не идут ни в какое сравнение с той путаницей, что царит внизу.

Мы с трудом пробирались через комнаты, заваленные деревянными ящиками, картонными коробками, древними компьютерными мониторами и металлическими контейнерами для оборудования. Сначала по одному проходу, потом еще по двум коридорам, пока не оказались наконец в кабинете Крейга. Здесь едва хватило места для стола, кресла, шкафа с документами и книжной полки. Крейг Бичем – сотрудник Национального аналитического центра насильственных преступлений, НАЦНП, одного из ведущих подразделений приписанной к ФБР ГОРЧС, группы оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. Некоторое время центр назывался отделом похищений и серийных убийств, ОПСУ, но недавно было принято решение вернуться к прежнему названию. И так как подготовка специалистов по восстановлению улик является одной из функций НАЦНП, именно это подразделение организует ежегодный курс.

Когда имеешь дело с ФБР, и не так натаскаешься в алфавите.

Крейг сгреб папки со стола и взгромоздил их на шкаф.

– Тут особо не развернешься, но так вы хотя бы сможете записывать. Дверь закрыть?

– Да нет, спасибо. Меня все устраивает.

Хозяин кивнул и скрылся в коридоре.

– Здравствуйте, Темперанс. – На всем белом свете только Ламанш и священник, окрестивший меня, называли меня полным именем. Все остальные звали меня Темпе. – Comment ça va?²

Я ответила, что у меня все нормально.

– Спасибо, что так быстро перезвонили. Боюсь, у нас тут сложилось скверное положение, и, скорее всего, мне понадобится ваша помощь.

– Oui? – переспросила я.

Скверное? Склонности к преувеличениям за Ламаншем не числилось.

– Les motards. Еще два трупа.

² Как дела? (фр.)

Les motards. Байкеры. Вот уже больше десяти лет конкурирующие гангстерские мотоциклетные группировки вели скрытую войну за контроль над торговлей наркотиками в Квебеке. Мне приходилось работать над несколькими делами, связанными с мотоциклистами. Две жертвы – их сначала застрелили, а потом сожгли до неузнаваемости.

– Oui? – повторила я.

– Вот что удалось выяснить полиции на настоящий момент. Вчера вечером трое из «Дикарей» подъехали к мотоклубу «Гадюк» с мощной кустарной бомбой. Парень, дежуривший у камер слежения, заметил, как к главному входу приближается парочка подозрительных лиц, несущих большой сверток. Он выстрелил, и бомба взорвалась. – Ламанш замолчал. – Водитель сейчас находится в больнице, его состояние критическое. От других остались только кусочки, четыре килограмма на двоих.

Да уж!

– Я пытался связаться с констеблем Мартином Куикуотером. Он сейчас тоже в Квонтико, но его нет на месте, он весь день провел на конференции.

– Куикуотер? – Быстрая Вода. Весьма необычное имя для жителя Квебека.

– Он индеец. По-моему, уроженец племени кри.

– Он из «росомах»?

Оперативное управление «Росомаха» – специальная оперативно-тактическая группа, созданная для расследования криминальной деятельности бандитских мотоциклетных группировок в провинции.

– Да.

– Что делать мне?

– Пожалуйста, расскажите констеблю Мартину Куикуотеру то, что я вам только что сообщил, и попросите его связаться со мной. Потом вам следует приехать сюда как можно быстрее. Может статься, у нас возникнут трудности с идентификацией.

– Им уже удалось восстановить пальцы или остатки зубов?

– Нет. И мало вероятности, что удастся.

– Анализ ДНК?

– И с этим тоже могут возникнуть трудности. Тут есть еще ряд обстоятельств, о которых я бы предпочел не распространяться по телефону. Как думаете, у вас получится вернуться раньше, чем планировали?

Как правило, я заканчивала весенний триместр в Университете Северной Каролины в Шарлотте как раз перед началом тренинга в академии ФБР. И теперь мне оставалось только принять экзамены. После них я собиралась сначала заехать в гости к друзьям в Вашингтон, а потом на время летних каникул лететь в Монреаль. Но теперь встречу с друзьями придется отложить.

– Я буду на месте завтра.

– Merci.

Затем он продолжил, четко проговаривая французские слова в свойственной ему манере. В звучном низком голосе Ламанша чувствовался налет то ли печали, то ли усталости.

– Обстановка напряженная. «Дикари», несомненно, захотят отомстить. И тогда «Гадюки» прольют еще реки крови. – Я услышала, как он набрал в легкие побольше воздуха, потом медленно выдохнул. – Думаю, конфликт перерастет в самую настоящую войну, и тогда могут погибнуть невинные люди.

Мы разъединились. Я позвонила в авиакомпанию «Ю-Эс эруэйз» и заказала билет на утренний рейс. Я как раз клала трубку, когда в дверном проеме появился Крейг Бичем. На вопрос о Куикуотере он озадаченно поднял брови:

– Констебль?

– Он из КККП, Королевской канадской конной полиции, или ККЧК, если вы предпочитаете французский. Коннополицейские королевские части Канады.

– Гм.

Крейг набрал какой-то номер и осведомился о местопребывании констебля. Выслушав ответ, размашисто записал что-то и повесил трубку.

– Ваш парень сейчас на конференции о серьезных правонарушениях в одном из конференц-залов тут внизу. – Он дал мне бумажку с номером зала, потом объяснил, как туда добраться. – Просто войдите туда и займите место. Скорее всего, часа в три они сделают перерыв.

Поблагодарив Крейга, я через бесчисленные проходы кое-как разыскала нужный зал. Из-за закрытой двери приглушенно доносились голоса.

Часы показывали двадцать минут третьего. Я повернула ручку и незаметно проскользнула внутрь.

Помещение тонуло в полумраке. Только в луче диапроектора желтым мягким светом мерцали сменяющиеся слайды. Я с трудом разглядела около полудюжины человек, разместившихся вокруг стола в центре зала. Некоторые из них повернули головы в мою сторону, когда я устраивалась в кресле у боковой стены. Однако большинство участников конференции не заметили моего присутствия, всецело поглощенные тем, что творилось на экране.

В течение следующих тридцати минут мне довелось воочию увидеть, как опасения Ламанша воплощаются в реальность с подробностями, от которых стыла кровь. Разбомбленный дом с верандой – человеческие останки покрыли стены, зеленая лужайка усеяна оторванными частями тел. Труп женщины: лицо превратилось в красную бесформенную массу, кости черепа расплющены ударной волной выстрела. Почерневший корпус джипа, обуглившаяся рука свисает из заднего окна.

Сидящий справа от диапроектора человек, меняя слайды презентации, сопровождал их комментариями о стычках между байкерскими группировками в Чикаго. Голос показался мне смутно знакомым, но лица мужчины я не смогла рассмотреть.

Снимки следовали один за другим. Вооруженные нападения. Взрывы. Яркие вспышки. Но сейчас я уже перестала смотреть на экран и внимательно рассматривала силуэты тех, кто сидел вокруг стола. У всех присутствующих, кроме одного, были коротко остриженные волосы.

Наконец экран замерцал белым светом. Диапроектор остановился, и пылинки запорхали в его луче. Кресла закрипели, когда их владельцы откинулись на спинки и развернулись друг к другу.

Лектор встал и отошел к стене. Зажегся верхний свет, и я узнала специального агента Фрэнка Тулио, несколько лет назад окончившего мой курс по восстановлению улик. Заметив меня, он широко улыбнулся.

– Темпе! Как жизнь?

Все, что касается Фрэнка, безупречно: коротко выбритые седоватые волосы, поджарое тело, безукоризненно чистые итальянские туфли ручной работы. В отличие от всех нас, несмотря на насекомых и потогонные тренировки, Фрэнк в любой ситуации выглядит идеально опрятным.

– Грех жаловаться. А ты как, все еще в чикагском отделении?

– Был до прошлого года. Теперь я здесь, приписан к ГОРЧС.

Наш разговор привлек всеобщее внимание, и тут я вдруг вспомнила, в каком состоянии моя одежда и прическа.

– Все знакомы с Непревзойденным Костным Доктором? – обратился Фрэнк к коллегам.

Собравшиеся улыбались и кивали, пока Фрэнк представлял меня. Кое-кто был мне знаком, и некоторые даже вспомнили пару-тройку забавных случаев с моим участием.

Двое из присутствовавших не являлись сотрудниками академии. Пышная прическа, на которую я ранее обратила внимание, принадлежала Кейт Брофи, главе разведывательного отдела Бюро расследований штата Северная Каролина, сокращенно БРШ. Сколько я себя помню, Кейт была бессменным экспертом БРШ по вопросам, связанным с преступными мотоциклетными группировками. Мы познакомились в начале восьмидесятых, когда в нашем штате разразилась война между «Изгоями» и «Ангелами ада». Я тогда идентифицировала личности двух неопознанных жертв.

За дальним концом стола молодая женщина печатала на чем-то вроде стенографической машинки. Возле нее за ноутбуком сидел Мартин Куикуотер. Широкое лицо, высокие скулы, кончики бровей чуть загибаются кверху. Кожа цвета обожженного кирпича.

– Уверен, что вас-то, как единственных иностранцев, представлять друг другу не надо, – произнес Фрэнк.

– На самом деле мы не знакомы, – сказала я. – Но поэтому я и здесь. Мне необходимо поговорить с констеблем Куикуотером.

Констебль сообразовал уделить мне внимание, секунд пять рассматривал, не говоря ни слова, потом снова уставился на экран.

– Вам повезло. Мы как раз собирались сделать перерыв. – Фрэнк посмотрел на часы, потом вернулся к диапроектору и выключил его. – Давайте-ка примем немного кофеина и снова встретимся в три тридцать.

Сотрудники НАЦНП по очереди проходили мимо меня, и один из агентов вдруг шутиливо сложил пальцы в квадрат и посмотрел на меня сквозь получившуюся рамку, словно фотографируя. Мы были с ним на короткой ноге уже лет десять, и я прекрасно знала, что сейчас последует.

– Прекрасно выглядишь, Бреннан. Ты что, заключила сделку со своим садовником? Стрижка изгороди и волос за одну иену?

– Некоторым из нас приходится иногда работать, агент Стоунхэм.

Он пошел дальше, ухмыляясь во весь рот.

Наконец в помещении остались только мы с Куикуотером. Я с любезной улыбкой начала официально представляться.

– Я знаю, кто вы, – прервал меня констебль.

В его речи слышался легкий английский акцент.

Подобная резкость слегка обескуражила меня, и я еле сдержала готовую вот-вот сорваться с языка язвительную колкость. Возможно, все дело было в моем собственном неприглядном виде: разгоряченная и растрепанная от быстрой ходьбы, я не совсем уютно чувствовала себя в столь официальной обстановке.

Пока я объясняла, что Ламанш безуспешно пытался несколько раз связаться с ним, Куикуотер отцепил пейджер с ремня и посмотрел на экран. Потом сильно постучал им несколько раз по руке. Сокрушенно покачав головой и вздохнув, снова прицепил его к поясу.

– Батарей, – буркнул он.

Констебль сосредоточенно слушал, когда я пересказывала ему сообщение Ламанша. Цвет его карих глаз оказался столь насыщенным, что граница между зрачком и радужной оболочкой совершенно стиралась. А когда я наконец закончила, Куикуотер кивнул, развернулся и вышел из комнаты.

Я ошарашенно застыла, пребывая в полнейшем недоумении от странной манеры поведения этого человека. Бесподобно! Мало мне собирать по кусочкам двух байкеров, так вдобавок на мою голову свалился еще и напарник в лице констебля по имени мистер Любезность!

Прихватив рюкзак, я отправилась обратно в лес.

Что ж, мистер Куикуотер, мы еще посмотрим. Я раскалывала и не такие орешки.

3

Полет до Монреаля прошел спокойно, за исключением разве что явно пренебрежительного отношения ко мне Мартина Куикуотера. Хотя мы летели одним и тем же рейсом, он даже не заговорил со мной и сел подальше, словно и не заметив, что в моем ряду много свободных мест. Мы обменялись приветственными кивками в Вашингтонском аэропорту, потом он мне снова кивнул, когда мы ждали своей очереди на таможне в Монреале. Впрочем, холодность констебля меня вполне устраивала. Я и сама не горела желанием общаться с этим человеком.

До своей квартиры я добралась на такси. Разобрала багаж и на скорую руку разогрела замороженное буритто. Моя старенькая «мазда» пусть с третьей попытки, но завелась, и я направилась в восточную часть города.

На протяжении многих лет судебно-медицинская лаборатория ютилась на пятом этаже здания, находившегося в ведении «Ля сюрте де Квебек», или сокращенно СК, – полиции провинции Квебек. Полиция занимала остальные этажи, кроме двенадцатого и тринадцатого. Здесь раньше размещались мой кабинет и место содержания заключенных под стражей. Морг и помещение для вскрытия находились в подвале.

Власти Квебека недавно выделили несколько миллионов на реконструкцию здания. Тюрьму переместили, и теперь судебно-медицинские и криминологические лаборатории располагались на двух верхних этажах. Прошло уже несколько месяцев с нашего переезда, но я до сих пор не могла поверить, что это не сон. Из моего нового кабинета открывался впечатляющий вид на реку Святого Лаврентия, а лаборатория была выше всяких похвал.

По пятницам уже к половине четвертого обычная рабочая суматоха начинала сходиться на нет. Двери одна за другой закрывались, и армия деловито снующих туда-сюда специалистов и лаборантов таяла на глазах.

Повозившись с ключом, я зашла в свой кабинет и повесила куртку на деревянную вешалку. На столе лежали три белых бланка. Сначала я прочитала тот, на котором стояла подпись Ламанша.

Довольно часто я начинаю знакомиться с делом с «Запроса антропологической экспертизы». Заполненный ходатайствующим патологом, запрос содержит данные, важные для составления плана предстоящего исследования.

Я быстро пробежала глазами правую графу. Номер лаборатории. Номер морга. Номер по полицейской картотеке. Номер истории болезни и регистрационный номер дела. Тело снабжено биркой и сдано на хранение, пока колесики правосудия набирают ход.

Потом я переместилась в левую колонку. Патолог. Коронер. Следователь. Насильственная смерть – последнее вмешательство в человеческую жизнь, а те, кто расследует ее причины, – последние назойливые зеваки, вторгающиеся в святая святых. Хотя меня и саму можно отнести к их числу, всегда становится немного не по себе от того равнодушия, с которым судебная система подходит к расследованию причин смерти человека. Пусть даже чувство отстраненности необходимо ради сохранения эмоционального равновесия, я так и не смогла избавиться от мысли, что жертва заслуживает более заинтересованного, личного отношения.

Я просмотрела краткую сводку установленных фактов. От тех сведений, которые мне сообщил по телефону Ламанш, они отличались только одним пунктом. На данный момент уже удалось восстановить двести пятнадцать остатков плоти и костей. Самый большой весил пять килограммов.

Так и не прочитав остальные бланки и не прослушав кучу скопившихся телефонных сообщений, я отправилась на поиски директора.

Мне редко доводится видеть Пьера Ламанша в обычной одежде, на нем всегда белый лабораторный или же зеленый хирургический халат. Не могу представить, как он смеется или закутывается в плед. Угрюмый и в то же время сердечный, неизменно учтивый, Ламанш всегда был самым лучшим из всех известных мне судебных патологоанатомов.

Сквозь стеклянный прямоугольник в двери я увидела Ламанша, сидящего в своем кабинете. Стройная фигура склонилась над письменным столом, заваленным бумагами, газетами, книгами и грудой личных дел, требующих первоочередного внимания. Я постучала, он поднял голову и жестом пригласил меня войти.

В кабинете витал легкий аромат трубочного табака, повсюду сопровождающий и самого Пьера. У него особенная манера неслышно приближаться, так что временами я узнаю о его присутствии лишь по этому запаху.

– Темперанс? – Он всегда произносит мое имя с ударением на последнем слоге, так что оно прекрасно рифмуется со словом «France». – Спасибо, что так быстро приехали. Пожалуйста, присаживайтесь.

Безупречный французский, без всяких разговорных сокращений, и ни единого словечка на арго.

Мы сели за небольшой столик рядом с письменным столом. Там лежала кипа больших коричневых конвертов.

– Знаю, сейчас уже слишком поздно приступать к исследованию, но, возможно, вы захотите сегодня же войти в курс дела.

Лицо Ламанша было испещрено множеством длинных вертикальных складок. Он вопросительно посмотрел на меня, глубокие морщины вокруг глаз удлиннились и сошлись к середине.

– Да. Конечно.

– С чего бы вы хотели начать, с рентгенограммы? – Он махнул в сторону конвертов, затем потянулся к письменному столу.

– Вот фотографии с места обнаружения трупов и запись, сделанная во время вскрытия. – Ламанш протянул мне стопку небольших коричневых конвертов и видеокассету. – От тех двух байкеров, которые доставили бомбу к клубу «Гадюк», практически ничего не осталось, их внутренности разметало на значительное расстояние от места взрыва. В основном то, что удалось обнаружить поисковой группе, прилипло к стенам или застряло в кустах и в ветвях деревьев. Поразительно, но самые крупные фрагменты удалось найти на крыше клуба. На одном лоскуте кожи с грудной клетки частично сохранилась татуировка, это может оказаться полезным для установления личности погибшего.

– А что с водителем?

– Сегодня утром умер в больнице.

– Стрелок?

– Взят под стражу, но рассчитывать на его показания не стоит. Он скорее пойдет в тюрьму, чем расскажет что-нибудь полиции.

– Даже если дело касается конкурирующей группировки?

– Как только он заговорит, его можно считать покойником.

– Удалось ли обнаружить зубы или пальцы?

– Нет. – Ламанш устало провел рукой по лицу, приподнял и опустил плечи, затем постучал пальцами по колену. – Боюсь, нам не удастся рассортировать все имеющиеся ткани.

– Мы можем сделать анализ ДНК?

– Вам доводилось когда-нибудь слышать имена Рональда и Дональда Вайланкуртов?

Я отрицательно покачала головой.

– Братья Вайланкурт, Ле-Клик и Ле-Клак. Отпетые бандиты, члены «Дикарей». Несколько лет назад один из них участвовал в уничтожении некоего Клода Дюбе по прозвищу Резак. Не помню только, какой именно.

– Полиция считает, что эти два байкера и есть Вайланкурты?

– Да. – Его грустный взгляд встретился с моим. – Ле-Клик и Ле-Клак – однояйцовые близнецы.

* * *

К семи часам вечера я уже почти все просмотрела, осталась только видеозапись. Воспользовавшись лупой, скрупулезно исследовала множество фотографий с изображениями фрагментов костей и кровавых комков всевозможных форм и размеров. Снимок за снимком, и на каждом стрелки, указывающие на красные и желтые сгустки, усеявшие траву, запутавшиеся в ветвях, расплюснутые о шлакобетонные блоки, о стекло, о рубероид и гофрированный металл крыши.

Останки доставили в морг в больших черных пластиковых мешках, в каждом находилось несколько герметично закрытых полиэтиленовых пакетов. Каждый пакет был пронумерован и содержал рассортированные части тела, землю, ткани, металл и неопознанный мусор. Сделанные во время аутопсии фотографии сменялись одна за другой: на одних мешки еще закрыты, на других зафиксированы небольшие полиэтиленовые пакеты, сложенные на столах для вскрытия, далее следовали снимки содержимого, рассортированного по категориям.

На последних фотографиях были сняты лежавшие ровными рядами части тела, словно выставленные в витрине мясной лавки. Я различила куски черепа, осколок большой берцовой кости, головку бедра и участок кожи головы с совершенно неповрежденным правым ухом. На некоторых крупным планом виднелись зазубренные края раздробленной кости, на других – волосы, волокна и клочки ткани, прилипшие к плоти. Упомянутая Ламаншем татуировка хорошо просматривалась на лоскуте кожи. Три черепа, кости рук закрывают глаза, уши и рты. Ирония судьбы. Что ж, теперь этот парень и впрямь ничего не увидит, ничего не услышит и ничего не скажет.

Изучив снимки и результаты рентгенограммы, я пришла к тому же мнению, что и Ламанш. Я разглядела кость на фотографиях, к тому же рентгеновские снимки подтверждали наличие еще нескольких. Значит, имеется возможность установить анатомическое происхождение некоторых тканей. Но сортировка мешанины из человеческих частей тела в конкретного человека обещала массу трудностей.

Всегда непросто разобрать смешанные части нескольких тел, особенно если они сильно повреждены или найдены не полностью. Но значительно труднее осуществить подобную процедуру, когда пол, возраст и расовая принадлежность умерших совпадают. Мне уже однажды приходилось несколько месяцев подряд исследовать кости и разлагающуюся плоть семи молодых мужчин, занимавшихся проституцией. Их тела выкопали из погребца в доме убийцы. Все они были белыми подростками. Тогда результаты анализа ДНК оказались бесполезными для установления личностей.

В данном случае экспертиза ДНК тоже не сработает. Жертвы, если они были монозиготной двойней, развились из одного яйца. И их ДНК будет идентичной.

Ламанш прав. Маловероятно, что мне удастся точно определить принадлежность фрагментов одному из братьев и назвать полиции его имя.

Сердитое ворчание в желудке намекнуло, что пора с работой кончать. Вконец измотанная и обескураженная, я взяла сумочку и, застегнув куртку, отправилась восвояси.

* * *

Вернувшись домой, я заметила на автоответчике мигающий огонек, но не стала сразу прослушивать сообщение. Выставила на стол купленные по дороге суши, открыла банку диетической колы и только потом нажала на кнопку.

Мой племянник Кит выехал на машине из Техаса в Вермонт со своим отцом. Полные решимости, они отправились на север ловить рыбу, причем не важно какую, сгодится любая, которая клюет в тех местах весной. И поскольку мой кот предпочитает свободу и удобство дома на колесах эффективной доставке по воздуху, Кит и Говард обещали заехать и забрать его из моей квартиры в Шарлотте, чтобы привезти в Монреаль. Сообщение гласило, что они с Верди приезжают завтра.

Я окунула в соус кусочек суши и сунула в рот. И уже тянулась за следующим, как вдруг позвонили в дверь. Озадаченная, я пошла к системе наблюдения.

На экране монитора я увидела Эндрю Райана, небрежно прислонившегося к стене на лестничной площадке. На нем были линялые голубые джинсы, кроссовки и короткая куртка поверх черной футболки. Очень высокий, с голубыми глазами и заостренными чертами лица, он представлял собой нечто среднее между Кэлом Рипкином³ и Индианой Джонсом.

Ну а я выглядела как Филис Диллер⁴ до того, как ее подкрасят.

Великолепно.

Вздыхнув, я открыла дверь.

– Привет, Райан. Что случилось?

– Увидел свет в окне и подумал, что ты, возможно, решила вернуться пораньше. – Он окинул меня оценивающим взглядом. – Выдался тяжелый день?

– Я только сегодня приехала, а потом еще до самого вечера разбирала остатки трупов, – произнесла я резко, словно оправдываясь, потом убрала волосы за уши. – Зайдешь?

– Не могу. – Только сейчас я заметила его пейджер и пистолет. – Просто решил узнать, какие у тебя планы на завтрашний вечер.

– Завтра мне придется весь день собирать по кусочкам погибших во время взрыва, так что к вечеру, скорее всего, сил у меня ни на что не останется.

– Но ты же собираешься поесть?

– Да, поужинать придется.

Он обнял меня одной рукой, другой стал играть с прядью волос.

– Мы можем забыть об ужине и просто расслабиться, если ты сильно устанешь, – произнес он низким бархатистым голосом.

– Гм.

– Расширим наш кругозор?

Райан отвел волосы с моего лица и нежно прикоснулся губами к уху.

О да!

– Хорошо, Райан. По такому случаю я надену трусики танга.

– Я всегда за.

Я одарила его взглядом из серии «кто бы сомневался».

– Твой кошелек потянет китайскую кухню?

– Китайская так китайская, – сказал Райан, приподнимая мои волосы и собирая их в пучок. Потом позволил им упасть свободными волнами и потянулся руками к спине. Прежде

³ Кэл Рипкин – известный бейсболист.

⁴ Филис Диллер – киноактриса.

чем я успела отстраниться, он прижал меня к себе и поцеловал. Язык Райана обвел по контуру мои губы и затем нежно проник в рот.

Во всем мире не осталось ничего, кроме ощущения этих мягких губ и крепкой груди, прижавшейся к моей. Я начала было осторожно высвобождаться из его объятий, но на самом деле мне хотелось остаться там навсегда. Вздохнув, я расслабилась и прижалась к Райану еще ближе. Черные мысли, одолевавшие меня весь день, рассеялись. Пусть на одно лишь мгновение, но мне удалось позабыть о жестокости мира, в котором безумцы взрывают бомбы и убивают детей.

Наконец мы оторвались друг от друга.

– Ты уверен, что не хочешь войти? – спросила я, отступив назад и распахнув дверь.

Колени подгибались и дрожали, словно превратились в желе.

Райан посмотрел на часы.

– Думаю, полчаса роли не сыграют. – В эту минуту зазвонил пейджер. Эндрю посмотрел на номер. – Черт побери!

Да уж, черт побери, согласна.

Райан снова прицепил пейджер к джинсам.

– Прости, – произнес он, грустно усмехнувшись. – Ты ведь знаешь, я бы лучше...

– Ладно уж, иди. – Улыбнувшись, я положила руки ему на грудь и легонько подтолкнула. – Увидимся завтра вечером. В полвосьмого.

– Не забывай обо мне, – произнес он на прощание, развернулся и стал спускаться по лестнице.

После того как Эндрю ушел, я вернулась к суши и стала думать о нем.

Райан – детектив в отделе убийств «Сюрте де Квебек». Время от времени нам приходится работать вместе. Хотя Райан ухаживал за мной уже несколько лет, но вместе мы совсем недавно. Мне такое решение далось непросто, но в конечном счете я согласилась с его взглядом на наши отношения. Формально коллегами мы не были, так что мое правило «никаких романов на работе» в данном случае не подходило. По крайней мере, если захочу, могу закрыть глаза на наше периодическое сотрудничество.

Тем не менее подобное положение дел меня не совсем устраивало. Я прожила двадцать лет в браке, затем – довольно длинный роман с одним человеком. Новые отношения давались мне нелегко. С Райаном было хорошо, поэтому я решила попробовать. Как сказала бы моя сестра, я начала «встречаться» с ним.

Ох ты господи! Вот так словечко – «встречаться»!

Должна признать, что считаю Райана чертовски сексуальным. Впрочем, не одна я так думаю. Куда бы мы ни пошли, женщины всегда поворачивают головы в его сторону. В их глазах появляется особое, оценивающее, выражение.

Я тоже его ценила. Но вот только в эту минуту, когда корабль все еще стоял в порту, двигатели взревели и изъявили готовность выйти в открытое море, мне приходилось туго. И мои желеобразные колени лишний раз это подтверждали. Определенно неплохая мысль – поужинать в каком-нибудь людном месте, но только не оставаться наедине.

Телефон зазвонил, когда я убирала со стола.

– Mon Dieu⁵, наконец-таки ты вернулась! – В глубоком, гортанном голосе, произносившем английские слова, слышался сильный французский акцент.

– Привет, Изабель. Что случилось?

Хотя я познакомилась с Изабель Кайэ всего лишь два года назад, за это время мы сильно сблизились. Мы встретились в тяжелое время. Тем страшным летом меня преследовал один психопат, лучшую подругу убили и ко всему прочему пришлось наконец признаться себе,

⁵ Бог мой (фр.).

что брак не удался. Стремясь скрасить жизнь, я заказала одноместный номер в «Медицинском клубе» и сбежала туда, чтобы играть в теннис, есть и ни о чем не думать.

Изабель я встретила во время перелета в Нассау, столицу Багамских островов. Прилетев, мы объединились и стали играть в паре. Выиграли, разговорились и выяснили, что привели нас сюда одинаковые причины. Мы великолепно провели вместе неделю. С тех пор и дружим.

– Вот здорово, а я не ждала тебя раньше следующей недели. Просто собиралась оставить сообщение с предложением встретиться как-нибудь, но раз ты уже дома, что скажешь насчет ужина завтра вечером?

Я рассказала ей о Райане.

– Этот парень никак не хочет отпустить тебя, Темпе. В конечном счете ты устанешь от такого *chevalier*⁶, пошлешь его подальше, и тогда уже я поговорю с ним. Почему ты вернулась раньше?

Я рассказала о взрыве.

– Ах да. Я читала в «Ля пресс». Все и в самом деле так мерзко?

– Пострадавшие и впрямь не в очень хорошей форме, – ответила я.

– *Les motards*. Знаешь, на мой взгляд, эти бандиты получили по заслугам.

У Изабель всегда собственное мнение по любому вопросу, и она редко оставляет свои мысли при себе.

– Полиции следует просто отойти в сторону и наблюдать, как эти гангстеры взрывают друг друга. Тогда нам больше не придется лицезреть их грязные тела с непотребными татуировками.

– Гм.

– Я хочу сказать, пусть они лучше убивают друг друга, чем младенцев.

– Верно, – согласилась я, – из двух зол лучше уж так.

На следующее утро Эмили-Энн Туссен пошла на урок танцев и умерла.

⁶ Здесь: кавалер (фр.).

4

Говард с Китом появились в семь часов утра, оставили Верди и поехали дальше. В восемь я уже отправилась в лабораторию, чтобы продолжить работу над трупами погибших во время взрыва. Верди не обращал на меня внимания и, когда я уходила, деловито проверял квартиру на наличие непрошенных гостей из семейства псовых.

Эмили-Энн привезли чуть позже двенадцати.

Мне требовалось свободное пространство, поэтому я выбрала большой кабинет для вскрытия. Сдвинув в центр помещения каталки с останками погибших во время взрыва, я попыталась разложить трупы на двух столах. В субботу никто не мешал и было где развернуться.

Я идентифицировала и рассортировала все осколки костей, видимые невооруженным глазом. Затем, воспользовавшись рентгеном, собрала части тела, содержащие кость, и вскрыла скальпелем ткани, чтобы отыскать ориентиры. Если я находила два одинаковых фрагмента, то выкладывала каждый на отдельный стол. Два левых лобковых бугорка, два сосцевидных отростка височной кости и два бедренных мыщелка неопровержимо свидетельствовали о том, что погибших было двое.

Я также обнаружила признаки замедленного в детстве развития на одном из участков длинной кости. Ребенок перестает расти, и развитие скелета приостанавливается, если возникает угроза здоровью. Подобные задержки, как правило, результат болезни или же последствия плохого питания. Рост возобновляется, когда общее физическое состояние улучшается, но эти заминки оставляют после себя неизгладимые метки.

Рентгенограмма выявила темные линии на многочисленных костных осколках руки и ног. Узкие полосы шли перпендикулярно диафизам кости и указывали на периоды приостановленного роста. Я выложила ткани с травмированными фрагментами на один из столов, а те, где кость была нормальной, на другой. Один из комков раздробленной плоти содержал несколько костей руки. Доставая их с помощью иглы, я заметила две пястные кости с неровными диафизами. Рентген выявил повышенную плотность этих бугорчатых участков, из чего можно было предположить, что одна из жертв когда-то в прошлом сломала пальцы. Я отложила этот фрагмент в сторону.

Ткань без костей требовала иного подхода. Здесь я обращала внимание на прилипшие нити, отгалкиваясь от уже разобранных тканей, сравнивая волоски и волокна с одного или с другого стола с кусками человеческой плоти, оставшейся на каталках. Мне показалось, я узнала текстильный материал защитного цвета, того типа, который присутствует в рабочих спецовках, в джинсовой и белой хлопчатобумажной ткани. Потом эксперты сделают полный анализ сегментов волос и волокон и определят, подтвердились ли мои предварительные данные.

Пообедав и переговорив с Ламаншем, я возобновила работу и к четверти шестого разобрала примерно две трети тканей. Без анализа ДНК было мало надежды связать оставшиеся фрагменты с определенными людьми. Пока я сделала все, что смогла.

И за это время четко наметила свои дальнейшие действия.

Пока я корпела над останками Вайланкуртов, не испытывала к ним никакой жалости. Сказать по чести, меня все это порядком разозлило. Парни взлетели на воздух, когда хотели взорвать других людей. Восторжествовала жестокая справедливость, и я испытывала скорее опустошение, чем сожаление.

Совершенно иные чувства переполняли меня, когда я думала о малышке Эмили-Энн. Она лежала сейчас перед Ламаншем на столе для вскрытия только потому, что шла на урок

танцев. Такого не должно было случиться. Гибель ни в чем не повинного ребенка нельзя считать всего лишь роковой случайностью в стычках безумцев.

«Гадюки» могут сколько их душе угодно истреблять «дикарей». «Изгои» пусть себе убивают «бандидос». Или каких-нибудь там «антихристов» с «ангелами ада» в придачу. Но в их войнах не должны погибать невинные. И тогда я дала себе обещание. Я призову на помощь все свои знания и умения в области судебной медицины и пожертвую всем свободным временем ради одного – обнаружить улики, которые помогут установить личности этих извращенных убийц и посадить их за решетку. Дети имеют право свободно ходить по городским улицам без риска получить пулю в голову.

Я перенесла рассортированные останки обратно на каталки, втокнула их в холодильные камеры, отмылась и переделалась. А потом поднялась на лифте, чтобы поговорить с директором.

* * *

– Хочу работать над этим делом, – произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и решительно. – Хочу, чтобы подонков-детоубийц арестовали.

Усталые глаза, многое повидавшие на своем веку, пронзительно и долго смотрели на меня. Мы только что обсуждали смерть Эмили-Энн Туссен. И другого ребенка. Мальчика.

Оливье Фонтен на велосипеде ехал на хоккейную тренировку. Он слишком приблизился к джипу марки «чероки» как раз в ту минуту, когда водитель поворачивал ключ зажигания. Мощности бомбы хватило на то, чтобы осколки впились в тело Оливье. Он умер на месте, мгновенно, и ему только что исполнилось двенадцать.

Я не вспоминала об убийстве Фонтена, пока не увидела тело Эмили-Энн. Тот несчастный случай произошел в декабре 1995 года в Вест-Айленде. На сей раз отношения выясняли «Ангелы ада» и «Рок-машина». Гибель Оливье вызвала всплеск возмущения общественности, вылившийся в создание оперативной группы «Росомаха» – специальной комиссии с множеством подразделений, основной задачей которых являлось расследование преступлений, совершаемых байкерами.

– Темперамс, я не могу...

– Я сделаю все, что потребуется. Стану заниматься этим в личное время, не в ущерб остальной работе. Если у «росомах» поставлено дело так, как в других службах, тогда, скорее всего, их возможности ограничены. Я могла бы классифицировать поступающую информацию или покопаться в архивах, сделать подборку подобных происшествий в прошлом. Я стану связующим звеном между подразделениями и налажу связь с американскими полицейскими службами. Я мо...

– Прошу вас, успокойтесь. – Он поднял руку. – Такое решение не входит в мою компетенцию. Я поговорю с месье Патино.

Стефан Патино – директор судебно-медицинской лаборатории. Именно он принимает окончательное решение в том, что касается криминологических и судебно-медицинских лабораторий.

– Моим обычным обязанностям это ни в коем случае не повредит.

– Знаю. И обещаю, что первым делом в понедельник утром поговорю об этом с директором. А теперь идите-ка домой. *Bonne fin de semaine*⁷.

Я отправилась домой, на прощание пожелав и ему хорошо провести выходные.

⁷ Хороших выходных (фр.).

* * *

В Квебеке и Каролине зимы заканчиваются совершенно по-разному. У меня на родине весна вступает в свои права постепенно. В последние дни марта и в начале апреля все расцветает, воздух приятно согревает летним теплом.

Жителям Квебека приходится ждать еще недель шесть, прежде чем можно будет не страшась холодов, высаживать цветы. Больше половины апреля еще промозгло и холодно, на улицах и тротуарах блестят подтеки растаявшего льда и снега. Но когда весне действительно пора выйти на сцену, делает она это с умопомрачительным изяществом. Мир словно взрывается весенним великолепием красок, и люди отвечают таким энтузиазмом, какого не встретишь ни в каком другом месте планеты.

С начала весеннего представления прошло несколько недель. Уже стемнело, моросил дождь. Я застегнула молнию на куртке и, низко опустив голову, ринулась к машине. Перед самым въездом в туннель Виль-Мари в новостях сообщили об убийстве Туссен. Сегодня вечером Эмили-Энн должна была получить награду за участие в конкурсе сочинений среди учеников начальных классов. Свое занявшее первое место эссе она назвала «Пусть дети живут».

Я потянулась и выключила радио.

Стала думать о планах на вечер и почувствовала прилив радости оттого, что рядом со мной есть человек, с которым грустить не придется. Торжественно пообещала себе, что не стану говорить о работе с Райаном.

Через двадцать минут я как раз открывала дверь, когда зазвонил телефон. Я посмотрела на часы. Четверть седьмого. Райан минут через сорок будет здесь, а мне еще надо принять душ, так что я не стала брать трубку.

Прошла в гостиную и бросила куртку на диван. Включился автоответчик, и зазвучал мой голос с просьбой оставить сообщение. Верди откуда-то вылез как раз в ту минуту, когда заговорила Изабель:

– Темпе, если ты дома, возьми трубку. C'est important⁸. – Пауза. – Merde!⁹

И хотя сейчас я не горела желанием разговаривать с кем бы то ни было, что-то в ее голосе заставило меня все-таки взять трубку.

– Привет, Иза...

– Включи телевизор. Канал Си-би-си.

– Я знаю о девочке. Я как раз была в лаборатории, когда...

– Быстро!

Отыскав пульт, я включила телевизор.

И стала слушать, постепенно покрываясь мурашками от страха.

⁸ Это важно (фр.).

⁹ Дерьмо! (фр.)

5

«... Детектив лейтенант Райан находился под наблюдением внутренней службы в течение нескольких месяцев. Он подозревается в незаконном владении похищенными товарами, а также в сбыте и хранении наркотических средств. Сегодня днем в Старом порту Райан, не оказав сопротивления, сдался сотрудникам КУМ. До выяснения всех обстоятельств дела он отстранен от выполнения должностных обязанностей и находится под арестом без права внесения залога.

А сейчас переходим к другим событиям. Финансовые новости. Предполагаемое слияние...»

– Темпе!

Оклик Изабель заставил меня вспомнить, где я нахожусь. Я снова поднесла трубку к уху.

– C'est lui, n'est-ce pas?¹⁰ Эндрю Райан, отдел преступлений против личности, полицейский департамент Квебека?

– Должно быть, произошла какая-то ошибка. – Пока я говорила, взгляд лихорадочно метнулся к автоответчику. Лампочка не горела. Райан не звонил. – Мне пора. Он скоро придет.

– Темпе, его арестовали.

– Я должна идти. Завтра позвоню тебе.

Я разъединилась и набрала номер квартиры Райана. Никто не ответил. Вызвала его пейджер и ввела свой номер. Безрезультатно. Вопросительно взглянула на Верди. Но и тот ничего не объяснил.

В девять я уже поняла, что Райан не придет. Семь раз звонила ему домой. Набрала даже номер его напарника, но результат остался прежним. Никто не ответил. Никто не снял трубку.

Я взялась было проверять студенческие аттестационные работы, которые привезла с собой из университета в Шарлотте, но так и не смогла сконцентрироваться. Мысли снова и снова возвращались к Райану. Прошло несколько минут, а я по-прежнему бессмысленно пялилась в одно и то же эссе в голубой тетради, так и не найдя сил прочитать написанное студентом. И хотя Верди свернулся клубочком у меня на коленях, на душе от этого легче не стало.

Все неправда. Не может быть. Ни за что не поверю.

В десять я решила принять ванну. Долго лежала в горячей воде с хлопьями пены. Разогрела пачку замороженных спагетти и отнесла еду в гостиную. Выбрала парочку дисков, которые, по моим расчетам, должны были поднять настроение, и поставила их в проигрыватель. Потом попыталась читать. Ко мне снова присоединился Верди.

Безуспешно. Замкнутый круг. Роман Пэта Конроя с тем же успехом могли бы напечатать и на ацтекском языке, все равно я ничего не понимала.

Райана показали в новостях: руки скованы за спиной наручниками, по бокам полицейские. Я, застыв, смотрела, как они наклонили голову Эндрю, вталкивая его на заднее сиденье полицейской машины. Но у меня по-прежнему не укладывалось в голове, что все это происходит на самом деле.

Чтобы Эндрю Райан продавал наркотики?

¹⁰ Это ведь он, верно? (фр.)

Как же я могла так ошибаться на его счет? И неужели все то время, что мы знакомы, он торговал наркотиками? Как я могла не заметить в этом человеке темную сторону? Или все происходящее просто-напросто ужасная ошибка?

Нет сомнений, кто-то ошибся.

Спагетти остывали на столе. Кусок не лез в горло. Музыка проходила мимо ушей. «Биг бэд вуду дэдди» и оркестр Джонни Фаворита выдавали свинг, от которого и мертвый мог бы ожить и пуститься в пляс, а у меня на душе по-прежнему царил мрак.

Теперь дождь лил не переставая, барабаны в окна с тихим, монотонным шелестом. Мне казалось, что весна в штате Каролина находится за многие-многие тысячи километров от меня и мне никогда в жизни больше не увидеть ее.

Я зацепила полную вилку макарон, но от запаха пищи меня замутило.

Эндрю Райан – преступник.

Эмили-Энн Туссен мертва.

Моя дочь затерялась в безбрежных просторах Индийского океана.

Я часто звоню Кэти, когда мне плохо, но в последнее время с ней стало трудно связаться. Она проводила каникулы в море, совершая кругосветное путешествие на борту «Юниверс эксплорер». Судно вернется не раньше чем через месяц.

Захватив стакан молока, я пошла в спальню. Распахнула шторы и выглянула наружу, чтобы утихомирить рой беспокойных мыслей, неумолчно гудящих в голове подобно машинам, запрудившим улицы в час пик.

Окутанные завесой темного блестящего тумана, деревья и кустарники казались черными силуэтами на ночном фоне. Сквозь них можно было различить огни и неоновое мерцание, идущее от расположенной на углу *depanneur*¹¹. Время от времени мимо со свистом проносились машины, торопливо семенили припозднившиеся пешеходы, эхо их шагов гулко отскакивало от мокрого тротуара.

Все как всегда. Ничего необычного. Просто очередная апрельская дождливая ночь.

Я задернула занавески и пошла спать, не сомневаясь, что мой внутренний мир придет в равновесие еще очень-очень не скоро.

* * *

Весь следующий день я не дала себе ни минуты отдыха. Распаковывала вещи. Наводила порядок. Ходила по магазинам. Не включала ни радио, ни телевизор. Только быстро пробежала глазами последние выпуски.

«Газетт» посвятила первую полосу Эмили-Энн Туссен. «Школьницу убили в кровавой перестрелке». Под заголовком помещалась фотография, сделанная в четвертом классе. Волосы Эмили-Энн заплетены в косички, на каждой большая розовая ленточка. Она улыбалась, не хватало нескольких молочных зубов. Теперь у нее никогда не прорежутся новые зубы, знаменующие собой процесс взросления.

Снимок ее матери был не менее скорбным. Камера застала эту стройную чернокожую женщину не в самый подходящий момент. Голова откинута назад, рот широко распахнут, губы изломаны в душераздирающем крике. Колени миссис Туссен подгибаются, руки судорожно обхватили лицо. Сбоку ее поддерживает крупная негритянка. Невыразимое горе пронзительно кричало, вопило о своей скорби с этой фотографией.

В статье приводилось несколько подробностей из жизни девочки. У нее были две младшие сестренки, шестилетняя Синтия-Луиза и четырехлетняя Ханна-Роуз. Миссис Туссен работала в пекарне. Три года назад ее муж погиб в результате несчастного случая на произ-

¹¹ Бакалейная лавка (торгующая, когда другие магазины закрыты) (канад.-фр.).

водстве. Уроженцы Барбадоса, они иммигрировали в Монреаль, надеясь на лучшую жизнь для своих детей.

Погребальная месса назначена на четверг, в восемь часов утра, в католической церкви Пресвятой Девы Марии. Похоронят девочку на кладбище Нотр-Дам-де-Неж.

Я решила не читать и не слушать новости о Райане. Пусть он сам мне все расскажет. Целое утро я безуспешно забрасывала сообщениями его автоответчик. Напарник Райана, Жан Бертран, на связь со мной не выходил. Я не могла больше ничего придумать. Несомненно, никто из КУМа или из полицейского департамента Квебека не захочет обсуждать со мной происходящее, как, впрочем, и родственники и друзья Райана.

Сходив в спортзал, я приготовила на ужин куриные грудки под сливовым соусом, размороженную морковь с грибами и рис с шафраном. Мой кошачий друг, без сомнения, предпочел бы рыбу.

* * *

В понедельник я с утра пораньше поехала в лабораторию и направилась напрямик к Ламаншу. Он проводил совещание с тремя детективами, но попросил меня как можно быстрее переговорить со Стефаном Патино.

Не теряя ни минуты, я пошла к директору. Сначала по коридору вдоль дверей, ведущих в кабинеты судебно-медицинского персонала и в лаборатории антропологии, одонтологии, гистологии и патологии. Затем, миновав архив и отдел обработки изображений, дошла до главной приемной и повернула налево в крыло, в котором разместился административный персонал СМЛ. Кабинет директора располагался в самом конце.

Патино разговаривал по телефону. Он приветственно помахал мне, и я села в кресло напротив.

Наконец он положил трубку, откинулся назад и посмотрел на меня. Темно-карие глаза, окруженные глубокими морщинами, внимательно изучали меня из-под густых бровей. Стефану Патино никогда не придется волноваться из-за скудости своей шевелюры.

– Доктор Ламанш говорит, вы хотите принять участие в расследовании убийства Туссен.

– Я думаю, что могу оказаться полезной «росомахам». Мне уже доводилось работать над несколькими делами, связанными с байкерами. В данный момент я собираю по кусочкам погибших во время взрыва клуба, в котором собираются «гадюки». Я не новичок. Я могла бы...

Он сделал мне знак остановиться:

– Руководитель оперативной группы «Росомаха» попросил выделить одного из наших сотрудников для поддержания связи. На фоне нового всплеска насилия он хотел бы быть уверенным, что криминологические лаборатории, судебно-медицинский персонал и его следователи всегда будут в курсе событий.

Я не стала дожидаться продолжения:

– Я могу помочь.

– Началась весна. Сейчас, когда река вскрывается ото льда, а любители отдыха на лоне природы отправляются в лес, у вас прибавится работы.

Патино был прав. Количество найденных трупов утонувших и погибших в результате несчастных случаев всегда увеличивается с наступлением тепла: обнаруживаются тела, скопившиеся за прошедшую зиму.

– Буду работать сверхурочно.

– Я собирался привлечь к расследованию Реала Маршана, но раз вы изъявили желание, тогда дело ваше. – Он взял со стола листок и протянул его мне. – Сегодня в три часа дня назначено совещание. Я позвоню им и предупрежу, что вы придете.

– Спасибо. Вы не пожалеете.

Патино встал и проводил меня к выходу.

– Есть хорошие новости по делу братьев Вайланкуртов? – спросила я.

– Мы ждем их медицинские карточки. Надеюсь, они будут уже сегодня. – Он отсалютовал мне.

– Прижмите их, Темпе, – произнес Патино по-английски.

Я отсалютовала в ответ, и он, одобрительно кивнув, вернулся в кабинет.

* * *

По понедельникам у любого коронера и судмедэксперта дел невпроворот, и нынешний понедельник не был исключением. Пока Ламанш знакомил меня с делами, я изнывала от нетерпения, думая, что совещание никогда не закончится.

Маленькая девочка скончалась в больнице, и мать призналась, что «только слегка ее тряхнула». Трехлетний ребенок не подпадает под синдром внезапной детской смерти. И ушиб дает основания предполагать, что голова малышки вошла в соприкосновение с твердой поверхностью.

Параноидный шизофреник тридцати двух лет был обнаружен со вспоротым животом в собственной спальне, внутренности разбросаны по ковру. Родственники заявили, что рана была нанесена им самим.

Два грузовика столкнулись в районе Сен-Гиацинт. Тела обоих водителей обгорели до неузнаваемости.

Двадцатисемилетнего русского моряка нашли в его каюте без признаков жизни. Капитан корабля официально признал его мертвым, тело доставили на берег. И поскольку он умер в канадских водах, требовалась аутопсия.

Сорокачетырёхлетняя женщина скончалась в собственной квартире в результате тяжелых побоев. Под подозрение попал ее супруг, который проживал отдельно.

Прибыли медицинские файлы на Дональда и Рональда Вайланкуртов. Прилагался целый конверт моментальных снимков.

Когда фотографии пошли по рядам, стало ясно, что по крайней мере останки одного из близнецов точно лежат внизу. На великолепном снимке Рональд Вайланкурт позировал без рубашки, поигрывая мускулами. На правой стороне груди виднелась татуировка с черепом.

Ламанш вручил патологу снимки, сделанные во время аутопсии, а затем передал мне документы по делу Вайланкуртов.

* * *

Без четверти одиннадцать мне уже было известно, какой именно из близнецов сломал пальцы. Рональд Вайланкурт по кличке Ле-Клик в 1993 году повредил второй и третий пальцы на левой руке во время драки в баре. Сделанная тогда в больнице рентгенограмма свидетельствовала о наличии повреждений в том самом месте, где я заметила неровности на пястных костях. В ней я также обнаружила, что у Ле-Клика не было на костях линий приостановленного развития.

Два месяца спустя Ле-Клик снова попал в больницу в результате аварии на мотоцикле. На сей раз у него была травма бедра и нижних конечностей. Этот радиографический снимок не отличался от предыдущей рентгенограммы. В костях Рональда не наблюдалось никаких

отклонений. В медицинской карточке также упоминалось, что в 1995 году его выбросили из машины на полном ходу, в том же году ранили ножом в уличной драке, а в 1997-м сильно избили члены конкурирующей группировки. Приложение с рентгенограммами было толщиной сантиметров в пять.

Также я точно выяснила, кто из них не мог похвастаться здоровьем. Дональд Вайлан-керт по прозвищу Ле-Клак в детстве несколько раз попадал в больницу. В младенчестве у него наблюдались продолжительные периоды тошноты и рвоты, причину так и не удалось установить. В возрасте шести лет он перенес скарлатину, едва выжив после нее. В одиннадцать – гастроэнтерит.

На долю Ле-Клака тоже выпало немало синяков и шишек. К его карточке, как и к карточке брата, прилагался большой пакет снимков рентгенограммы – результат множества посещений травматологического пункта. Разбитый нос, разорванная щека. Ножевое ранение в грудь. Сотрясение мозга от удара бутылкой по голове.

Закрыв досье, я горько улыбнулась. Бурная жизнь братьев послужит инструкцией в процессе сборки того, что от них осталось. Все их многочисленные злоключения навечно отпечатались на костях.

Захватив медицинские отчеты, я вернулась на нижний уровень и возобновила процесс идентификации частей тела. Начала с сегмента грудной клетки с татуировкой и с тех фрагментов, которые, по моим предположениям, подходили к нему. Итак, передо мной Рональд. Сюда же я положила сломанную руку и все останки, содержащие нормальные длинные кости.

Кости конечностей со следами приостановленного развития перешли на стол к Дональду. Те же, на которых не было неровностей, отправились к его брату.

Потом я показала Лизе, судебно-медицинскому технику, как сделать рентгеновский снимок оставшихся фрагментов с костями в том же положении, в котором они были на прижизненных больничных съемках. Благодаря этой рентгенограмме я смогу провести сравнительный анализ формы и внутреннего строения.

Работать пришлось без обеда, поскольку спрос на рентген был огромен. Мы закончили в половине второго, когда вернулись остальные техники и патологи. Лиза клятвенно заверила меня, что сама все закончит, когда аппарат освободится, поэтому я поспешила наверх переодеться перед совещанием.

* * *

Штаб-квартира оперативной группы «Росомаха» располагалась в современном трехэтажном здании на берегу реки Святого Лаврентия, как раз напротив Старого Монреаля. Остальная часть комплекса была занята полицией порта и административными службами морского управления.

Я припарковалась на стоянке у самой реки. Слева находился мост Жака Картье, аркой возвышавшийся над островом Нотр-Дам. Справа виднелся небольшой мост Виктории. Огромные глыбы льда покачивались и слегка ударялись друг о друга в темно-серой воде.

Чуть дальше на берегу я заметила Хабитат-67 – большое скопление жилых зданий, изначально построенных для международной выставки «Экспо-67» и затем превращенных в частные кондоминиумы. У меня мучительно сжалось сердце. В одном из этих домов жил Райан.

Я отогнала прочь мысль об Эндру и, захватив куртку, поспешила к зданию. Висевшие весь день тучи вроде бы разошлись, но погода все равно оставалась промозглой и сырой. Прибрежный бриз, донося запах масла и холодной воды, пробирался в складки одежды.

В штаб «Росомахи» на третьем этаже вела широкая лестница. За стеклянными дверями стояло чучело росомахи – животного, в честь которого и называли оперативную группу. В большом центральном помещении за столами сидело множество людей, над головой у каждого – табличка с телефонными номерами, написанными печатными буквами. Стены украшены газетными вырезками в рамках – репортажами о работниках подразделения и их расследованиях.

Лишь немногие обратили на меня внимание, когда я шла к секретарю – женщине средних лет с крашеными волосами и родимым пятном на щеке. Она на мгновение подняла голову от кипы бумаг и, сказав, куда мне идти, тотчас же вернулась к работе.

Я вошла в конференц-зал. Вокруг прямоугольного стола сидели человек десять, остальные стояли, прислонившись к стене. Руководитель подразделения, Жак Рой, поднялся, заметив меня. Невысокого роста, мускулистый, с красноватым лицом и с пробором в седующих волосах, он словно сошел с глянцевого фотографии 1890 года.

– Доктор Бреннан, спасибо, что пришли. Вы окажете большую помощь как моим следователям, так и ребятам из вашей лаборатории. Прошу. – Он указал на свободное место за столом.

Я повесила куртку на спинку кресла и села. Пока не подошли остальные участники совещания, Рой объяснил, зачем мы все собрались. Некоторые из присутствующих лишь недавно начали работу в команде. Даже имея за плечами немалый опыт службы в полиции, они должны были войти в курс дела. Рой прочитает краткую ознакомительную лекцию об имеющихся в Квебеке байкерских группировках. Также с минуты на минуту ожидается прибытие констебля Куикуотера. Он поделится опытом участия в семинаре по серьезным правонарушениям, который проводился в Академии ФБР.

Мне показалось, что время повернуло вспять. Я снова была в Квонтико, только на сей раз разговор велся на французском языке, и кровавая бойня, о которой шла речь, происходила в хорошо знакомом и родном месте.

В последующие два часа я узнала о мире, о существовании которого нормальные люди даже и не подозревают. И это краткое знакомство заставило меня содрогнуться от ужаса.

6

– Прежде всего мне хотелось бы ввести вас в курс дела. – Рой обратился к собравшимся, не поднимаясь на лекционную кафедру. Там остались лежать его заметки, но он так и не воспользовался ими. – Объединение мотоциклистов в преступные группировки началось на Западном побережье США вскоре после Второй мировой войны. Некоторые вернувшиеся домой ветераны не сумели приспособиться к мирной обстановке и нашли отдушину в скитальческом образе жизни. Стали ездить на своих «харлей-дэвидсонах» по стране, беспокоя гражданское население, и в большинстве случаев вели себя весьма вызывающе. Они организовали независимые группировки, называя себя «Бухими задирами», «Стремительными задницами», «Сатанинскими грешниками», «Алкашами». Уже в самом начале эти парни навряд ли пришлось бы ко двору в институте благородных девиц.

Смешки и приглушенные замечания в зале.

– Самой влиятельной стала банда, состоящая из социальных отщепенцев, называющих себя «Слетевшими с катушек ублюдками из Блумингтона». В дальнейшем они изменили название на «Ангелов ада», позаимствовав у одноименной эскадрильи бомбардировщиков времен Второй мировой не только имя, но и эмблему с изображением черепа в каске. С первых дней основания в Сан-Бернардино, штат Калифорния, отделения...

– «Йеху», «Берду», – реплика с задних рядов.

– Верно.

– С этого момента «Ангелы ада» принялись за освоение Северной Америки. В результате сначала были образованы национальные группировки, затем движение приняло международный характер. В настоящий момент существует четыре самые многочисленные ветви: «Ангелы ада», «Изгои», «Бандидос» и «Язычники». У всех, кроме «Язычников», есть отделения за пределами Штатов, хотя ни одной группировке не сравниться по численности с «Ангелами».

Сидящий напротив меня мужчина поднял руку. Объемным животиком и редующими волосами он поразительно напоминал Энди Сиповича из сериала «Нью-йоркские полицейские».

– Что вы имеете в виду, говоря об их количестве?

– Нет точных цифр, источники разные, но, по последним данным, членами «Ангелов ада» являются свыше тысячи шестисот человек в Европе, Австралии и Новой Зеландии. Конечно же, большая их часть приходится на жителей США и Канады, но сейчас у «Ангелов» сто тридцать три отделения по всему миру.

Согласно данным канадской криминальной разведывательной службы за тысяча девятьсот девяносто восьмой год, у «Бандидос» шестьдесят семь отделений и почти шестьсот членов по всему миру. По другим оценкам, их около восьми сотен.

– Боже правый!

– Что именно подразумевается под противозаконным мотоциклетным клубом? – Парень, задавший вопрос, выглядел лет на девятнадцать, не больше.

– Юридически под квалификацию противозаконной мотоциклетной группировки попадают те сообщества, которые не прошли регистрацию в Американской или Канадской ассоциации мотоциклистов. Или же в североамериканских филиалах Международной федерации мотоциклетного спорта, штаб-квартира которой в настоящее время находится в Швейцарии. Согласно данным Американской ассоциации мотоциклистов, такие незарегистрированные сообщества составляют всего лишь один процент всех любителей мотоциклетного спорта, но как раз из-за подобных сообществ у байкеров плохая репутация. Это, кстати, и

ярлык, который парни сочли за честь принять. Мне довелось видеть татуировку с одним процентом на не самых привлекательных мускулах провинции.

– Точно. Неизменный атрибут всякого воистину добродетельного байкера, – заметил сидящий справа от меня следователь с длинными волосами, аккуратно собранными под резинку, и с серебряной серьгой в ухе.

– Воистину мерзкого ублюдка, ты хотел сказать. – Сипович. Даже его голос, произносящий фразу на французском, звучал так, как звучал бы голос актера, если бы «Нью-йоркские полицейские» снимались на Ривьере.

Снова раздалась смешки.

Рой указал на кипу бумаг в центре стола:

– Там вы сможете найти информацию о структуре противозаконных мотоциклетных группировок. Прочитаете, потом обсудим. А сегодня я хотел бы поговорить о том, как обстоят дела у нас в Квебеке.

Он включил проектор. На экране появилось изображение сжатого кулака, на запястье татуировка со свастикой, на пальцах рябью перекатывались красно-белые буквы «ЭГМ».

– Мировоззренческая философия членов байкерской преступной группировки может быть выражена одной лишь фразой.

– Этот гребаный мир! – одновременно раздалась крики с мест.

– ЭГМ. «Этот гребаный мир», – подтвердил Рой. – На первом месте цвет кожи и твои братья по мотоциклам, только им и следует сохранять верность. Люди другой расы в их ряды не допускаются.

Рой перешел к следующему слайду. На экране возникла черно-белая фотография шестнадцати мужчин, выстроившихся в три неровных ряда. Все с длинными волосами и в кожаных жилетах без рукавов, утыканных заклепками и нашивками. Разрисованные тела не оставили бы равнодушным любого воина из племени маори. Впрочем, угрожающе сдвинутые брови тоже весьма впечатлили бы аборигенов.

– В конце семидесятых «Изгои» и «Ангелы ада» из Штатов жестоко соперничали с несколькими квебекскими бандами. В тысяча девятьсот семьдесят седьмом году «Попаи» запросили пощады и стали первым отделением «Ангелов ада» в нашей провинции. В те дни «Попаи» представляли собой вторую по величине противозаконную мотоциклетную группировку в Канаде, в их состав входили приблизительно двести пятьдесят – триста байкеров. К несчастью, только человек тридцать из их числа подошли «Ангелам», и те разрешили носить их цвета, остальные же получили отставку. Сейчас вы видите некоторых из этих отверженных. Это печально известная Северная группировка. Пятеро из парней были ликвидированы своими же братьями, переметнувшимися к «Ангелам». Затем группа распалась.

– Почему?

– Каждое сообщество имеет кодекс поведения, неписанный свод правил, которые должны неукоснительно соблюдаться каждым членом. В сороковые годы, когда движение «Ангелов ада» еще только начиналось, их правила запрещали героин и другие наркотики. При сегодняшней конкуренции в деловых кругах соблюдение кодекса поведения стало намного важнее. Запомните, эти парни сильно отличаются от байкеров прошлых лет. Ничего общего с социальным протестом пятидесятых или той субкультурой под знаменем наркотиков и революции, которая бурей пронеслась сквозь шестидесятые. Нынешние байкеры являются частью сложной криминальной структуры. Прежде всего они делают деньги. А наркоманы в их рядах могут причинить массу неудобств и обходятся недешево. Такое не приветствуется.

Рой махнул в сторону экрана.

– Что касается конкретно этих парней, то в тысяча девятьсот восемьдесят втором году монреальское отделение приняло закон, запрещающий наркотики. Каждый «ангел», кото-

рый нарушит закон, приговаривался к смерти или изгнанию. Но члены Северного отделения были слишком привязаны к кокаину и решили, что всякие там правила не для них писаны. Очевидно, кокс сильно повлиял на их математические способности, потому что они как-то не обратили внимания на тот факт, что в этом вопросе остальные численно значительно перевешивают их.

Рой по очереди указал на пятерых мужчин, изображенных на фотографии.

– В июне тысяча девятьсот восемьдесят пятого года тела этих парней, упакованные в цемент, обнаружили в том месте, где река Святого Лаврентия впадает в море. Один из спальных мешков всплыл на поверхность сам, остальные пришлось вытаскивать со дна морского.

– Позаботились о бизнесе, – подал реплику Конский Хвост.

– Причем навечно. Их убили в частном клубе «Ангелов ада» в Ленноксвилле. Очевидно, вечеринка, на которую их пригласили, закончилась совсем не так, как им хотелось бы.

– Нечто вроде старой благочестивой доктрины преступного братства, только наоборот. – Конский Хвост покачал головой.

– Именно эти события послужили причиной сегодняшней войны? – спросила я.

– Не совсем. Через год после того, как «Ангелы ада» приняли в свои ряды «Попаев», одна монреальская группировка под вычурным названием «Выбор Сатаны» стала первым отделением «Изгоев» в Квебеке. С той поры они и убивают друг друга.

Рой указал на костлявого мужчину, сидящего на корточках в первом ряду.

– Война вспыхнула, когда вот этот «ангел» застрелил из проезжающего автомобиля одного «изгоя». После убийства в течение нескольких лет сезон охоты был открыт.

– «Бог простит, „Изгой“ – никогда». Таков их девиз. – Сипович выводил свое имя, Курицек, на блокноте.

– Верно. Но с той поры квебекские «Изгой» почувствовали на себе, каково приходится, когда удача отворачивается от тебя. Пять-шесть их членов сейчас за решеткой. Несколько лет назад здание мотоклуба сгорело дотла. В нынешней войне на самом деле борьба ведется между «Ангелами ада» и канадской группировкой «Рок-машина», а также их марионетками.

– Крутые парни, – подал реплику Сипович-Курицек.

– Но для «Рок-машины» тоже настали тяжелые дни, – продолжал Рой. – По крайней мере, так было до недавнего времени.

Он переключил на следующий слайд. Мужчина в берете обнимает товарища в кожаной куртке. Лица второго не видно, но на его спине отчетливое изображение мультяшного мексиканского бандита – нож в одной руке, пистолет в другой. Серповидные красно-желтые знамена вокруг персонажа указывали на то, что владелец куртки является национальным вице-президентом монреальского отделения «Бандидос».

– «Машина» была уже на последнем издыхании и вот-вот должна была сойти с дистанции, как неожиданно ситуация изменилась и началось необычное оживление: недавно ее члены были замечены с нашивками, определяющими их как «Бандидос» с испытательным сроком.

– С испытательным сроком? – спросила я.

– «Машине» была обещана поддержка и статус отделения, если «Бандидос» решат, что они подают надежды.

– Понятно, почему это выгодно «Рок-машине», но вот совсем не ясно, что получают «Бандидос»? – поинтересовалась я.

– В течение нескольких лет «Бандидос» довольствовались местным рынком алкоголя и доходами с продажи наркотиков, да еще вдобавок имели пару баксов с проституции. Национальная организация управляет неукротимым судом. Сейчас власть сменилась, и новое руководство признает преимущества экспансии и необходимость жесткого контроля над членами отделений.

Наложить лапу на самого последнего рокера. – Рой указал на флаг на куртке на заднем фоне фотографии. – Квебек уже стал Канадой. Довольно ясный намек на то, куда «Бандидос» устремили свои жадные взоры. Но не так-то просто реализовать этот план.

Следующий слайд. Ряд мотоциклов на автостраде с двусторонним движением.

– Снимок сделан несколько недель назад в Альбукерке, штат Нью-Мексико. «Бандидос» участвуют в пробеге, организованном отделением Оклахомы. Когда полиция остановила некоторых парней за нарушение правил дорожного движения, в их числе был международный президент клуба, так что у следователей появилась возможность выяснить подробности относительно всех новых лиц. Он не отрицал, что «Бандидос» проверяют жаждущие присоединиться к ним клубы по всему миру. Но отказался давать какую-либо информацию о «Рок-машине».

Оказывается, соглашение еще под вопросом. Президент только что приехал со встречи Национальной коалиции мотоциклистов, на которой «Бандидос» и «Ангелы ада» пытались добиться согласия в споре о «Рок-машине». «Ангелов» не особо волнует кампания дальнейшего расширения «Бандидос». Они предложили расформировать свой подающий большие надежды филиал в Нью-Мексико, если «Бандидос» прекратят все переговоры с квебекским клубом.

– Итак, «Машина» действительно здесь замешана? – поинтересовался Конский Хвост.

– Да. Но если они договорятся, присутствие «Бандидос» может нарушить существующее равновесие. – Голос Роя звучал мрачно.

– «Рок-машина» относительно недавно появилась на сцене, n'est-ce pas?¹² – спросил молоденький следователь.

– Их впервые заметили в тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, – ответил Рой. – Но буквы «МК» они добавили к своему названию только в тысяча девятьсот девяносто седьмом. До этого момента им и в голову не приходило считать себя чем-то таким заурядным, как мотоциклетный клуб. В тот год буквы «МК» произвели небольшой фурор, когда их напечатали на рождественских открытках.

– Рождественских открытках? – Я подумала, он просто пошутил.

– Да уж. Традиция для таких ребят значит много. Это почти как разговор членов тюремного клуба по интересам.

Смех.

– Открытки дают возможность членам группировки поддерживать отношения друг с другом, – объяснил Рой. – Минус в том, что тем самым они также пополняют компромат, который собирают на них конкуренты.

Рой щелкнул пультом, на экране появилась карта Монреаля.

– В настоящий момент «Рок-машина» соперничает с «Ангелами ада» за контроль незаконной торговли наркотиками на территории провинции. И замешаны здесь большие деньги. Согласно отчетам главного прокурора, получаемый организованными криминальными структурами оборот от незаконной торговли наркотиками составляет от семи до десяти миллиардов долларов в год. И Квебек играет немаловажную роль на этом рынке.

Он отметил на карте два городских района.

– Оспариваемая территория включает северную и восточную части Монреаля, а также районы Квебек-Сити. С тысяча девятьсот девяносто четвертого года здесь произошло более сотни взрывов и поджогов и не меньше ста четырнадцати убийств.

– Считаю Маркотта, близнецов Вайланкуртов и малышку Туссен? – уточнила я.

– Ценное замечание. Тогда сто восемнадцать убийств. По крайней мере еще с десятков пропавших без вести и считающихся погибшими.

¹² Не так ли? (фр.)

– И сколько же этих ублюдочных вояк засело в окопах? – поинтересовался Курицек.
– Предположительно около двухсот шестидесяти пяти со стороны «Ангелов» и пятидесяти от «Рок-машины».

– И все? – Меня поразило, что такая горстка людей могла причинить так много разрушений.

– Не забывайте о подручных. – Курицек откинулся на спинку, и его стул негромко заскрипел.

– У тех и у других есть марионеточные клубы, которые они контролируют. Именно эти неудачники и делают всю грязную работу для своих покровителей, – заметил Рой.

– Грязную работу? – Все это звучало просто отвратительно.

– Распространение и торговля наркотиками, выбивание долгов, торговля оружием и взрывчатыми веществами, запугивание и устранение неудобных. Подобные марионеточные клубы – отбросы байкерского мира. Они сделают что угодно, лишь бы доказать, что они крутые. Вот почему так трудно накрыть главных действующих лиц, тех, кто стоит за всеми этими преступлениями. Мерзавцы дьявольски изворотливы и всегда действуют не напрямую, а через посредников.

– И даже когда вам все-таки удастся арестовать их, они вносят залог и используют своих бабуинов, чтобы запугать или убрать ваших свидетелей, – добавил Курицек.

Я вспомнила разорванную на куски плоть, которая некогда была братьями Вайланкурт.

– «Дикари» подчиняются «Рок-машине»?

– C'est ça¹³.

– А «Гадюки» – «Ангелам ада»?

– C'est ça.

– Кто еще?

– Так, давайте посмотрим. «Сборище шпаны», «Недоумки», «Рокеры», «Дьяволы», «Всадники смерти»...

В эту минуту в дверном проеме появился Мартин Куикуотер. В своем темно-синем костюме и накрахмаленной белой рубашке он больше походил на адвоката по налоговым вопросам, чем на следователя из отдела по борьбе с организованной преступностью. Он кивнул Рою, затем окинул беглым взглядом помещение. Глаза констебля заметно сузились, когда он увидел меня, однако он ничего не сказал.

– Ah, bon. А вот и месье Куикуотер. Он ознакомит нас с отчетами ФБР.

Но этого не случилось. Куикуотер принес срочное сообщение. Трупов должно было с минуты на минуту прибавиться.

¹³ Верно (фр.).

7

На следующий день солнце только всходило, когда я уже была в резиденции «Гадюк», расположенной на улице Сен-Базиль-ле-Гранд. Здание одиноко возвышалось на участке земли, полностью огороженном забором под электрическим напряжением. Верхний край заграждения усеивали камеры слежения. Мощные прожекторы освещали периметр.

Ворота в конце дороги, при выезде на автостраду, открывались дистанционно и постоянно просматривались из клуба. Они были широко распахнуты, когда мы приехали, и по интеркому никто не осведомился о цели нашего визита. Хотя одна из камер была направлена на нас, я знала, что за нашим приближением никто не следит. Ордер на обыск был уже выписан, и вдоль подъездной аллеи стояли полицейские машины, автомобили коронерской службы, фургоны осмотра места преступления и другие транспортные средства без опознавательных знаков.

Куикуотер проехал через ворота и остановился в конце ряда. Заглушив двигатель, он покосился на меня, но так ничего и не сказал. Я не отказала себе в удовольствии ответить ему точно таким же надменным взглядом, схватила снаряжение и поспешно вышла из машины.

На заднем дворе росли деревья, спереди, между домом и автострадой, раскинулось открытое поле. Посыпанная гравием дорожка, по которой мы ехали, разделяла надвое участок перед домом и заканчивалась асфальтной кладкой, окружавшей здание. Бетонные конусы, достававшие мне до пояса, окаймляли асфальт, чтобы никому не вздумалось ставить машину вплотную к дому. Между конусами и стеной оставалось еще метров пять. Обстановка напомнила мне Северную Ирландию в начале семидесятых. Как и жители Белфаста, байкеры Квебека очень серьезно относились к угрозе начиненных взрывчаткой машин. У бордюра был припаркован черный «форд-эксплорер».

Солнечный свет растекся по горизонту, добавляя желтые и розовые оттенки в бледный пурпур зарождающегося рассвета. Час назад, когда Куикуотер заехал за мной, небо было таким же мрачным, как мое настроение. Я не хотела приезжать сюда. Совершенно не было желания иметь дело с мистером Исключительностью. Но, самое главное, мне совсем не улыбалось извлечь из земли еще парочку мертвых байкеров.

Вчерашние слова Куикуотера легли мне на сердце невыносимой тяжестью. Слушая его сообщение, я понимала: то, что первоначально я считала всего лишь дополнительной работой, отныне приобрело статус первоочередности. И мысль обо всем, что мне предстоит сделать, навалилась на меня, как школьный хулиган, решивший в неподходящий момент затеять драку. Я напомнила себе, что девятилетняя девочка лежит сейчас в морге, а ее потрясенной горем семье уже никогда не стать прежней. Я здесь ради них.

Стрелок «Гадюк», который уничтожил братьев Вайланкурт, хотел заключить сделку с полицией. Это был его третий арест, ему грозило обвинение в убийстве, поэтому он предложил указать месторасположение еще двух трупов. Обвинение возражало, вменяя в вину совершение преступления второй степени. Voilà. Рассвет в Сен-Базиле.

Пока мы плелись по дороге, утро мало-помалу вступало в свои права. И хотя сейчас у меня изо рта вырывался пар, я знала, что днем солнце основательно прогреет воздух.

Гравий хрустел под ногами, и время от времени какой-нибудь камешек смещался, плавно скользил по неровному дорожному полотну и закатывался в углубление обочины. Птицы щебетали и издавали возмущенные крики, объявляя о своем недовольствии по поводу нашего вторжения.

«Вот засранки, – подумала я. – Мое утро началось раньше вашего, но я же не воплю по этому поводу направо и налево».

«Не веди себя по-детски, Бреннан! Ты злишься потому, что Куикуотер – болван. Не обращай на него внимания. Просто делай свою работу».

Как раз в эту минуту он и решил заговорить.

– Мне надо найти своего нового напарника. Его только что прикомандировали к «росомахам».

Хотя Куикуотер не назвал имени своего партнера, я почувствовала прилив горячей симпатии к столь невезучему полицейскому. Я глубоко вздохнула, вскинула на плечи рюкзак и побрела дальше вслед за Куикуотером, осматриваясь по сторонам.

Пока было ясно только одно: «Гадюкам» никогда не выиграть конкурс «Ландшафт года». Внешний вид принадлежавшей им собственности представлял собой прекрасный образец того, против чего яростно выступали активисты движения по охране природы в конгрессе США. Долина, раскинувшаяся до автострады, являла собой море мертвой растительности, утонувшей в красновато-коричневой весенней грязи. Невырубленные кустарники за домом оказались непреднамеренным подарком для четвероногих обитателей этой местности.

Однако план дизайнера стал совершенно очевидным, когда асфальт закончился и мы вступили во внутренний двор. Ограждение, явно навеянное примером лучших американских тюрем, имело все их ярко выраженные признаки: четырехметровые кирпичные стены с установленными на вершине камерами наблюдения, детекторы движения и мощные прожекторы. От стены до стены земля залита цементом, баскетбольные корзины, газовая жаровня для барбекю и собачья конура с короткой цепью. Стальные двери вместо обычных ворот, а въезд в гараж усилен стальными пластинами и крепко приваренным засовом.

За время нашего пути Куикуотер заговорил всего лишь раз, знакомя меня с историей владения. Дом был построен ньюйоркцем, который сколотил состояние на продаже контрабандного спиртного. В середине восьмидесятых «Гадюки» выкупили его у наследников контрабандиста, вложили четыреста тысяч в реконструкцию и повесили свои эмблемы. В дополнение к системе безопасности периметра парни установили пуленепробиваемые стекла на всех окнах первого этажа и стальное покрытие на каждую дверь.

Впрочем, сегодня утром ничего из этого не пригодилось. Как и ворота, двери дома были широко распахнуты. Сначала вошел Куикуотер, я последовала за ним.

Первой моей реакцией было удивление при виде роскошного внутреннего убранства. Если этим парням требовалось внести за кого-либо залог или нанять адвоката, им следовало лишь назначить аукцион. Только электронное оборудование помогло бы им заполучить Ф. Ли Бейли, одного из самых высокооплачиваемых юристов.

Здание состояло из множества уровней, по центру вилась металлическая лестница. Мы пересекли холл, покрытый черно-белым кафелем, и начали взбираться по ступеням. Я успела мимоходом заглянуть в комнату с бассейном, столами для настольного тенниса и баром во всю длину помещения. На стене, над коллекцией всевозможных алкогольных напитков, свернувшаяся в спираль змея с лишенным плоти черепом, ядовитыми зубами и глазами навывахе злобно ухмылялась в оранжевом неоне. На дальнем конце бара набор видеомониторов обеспечивал просмотр территории в шестнадцати разных ракурсах на небольших черно-белых экранах. В комнате также находились огромный телевизор и аудиосистема, весьма смахивающая на пульт управления НАСА. Полицейский из Сен-Базиля приветственно кивнул нам, когда мы проходили мимо.

На втором уровне я заметила гимнастический зал, в котором имелось по крайней мере с полдюжины дорогущих тренажеров. Слева, напротив зеркальной стены, стояли две скамьи со штангами и набор дополнительных грузов. «Гадюки» явно заботились о физической подготовке.

На третьем уровне мы прошли через гостиную, отделанную в тон байкерской невоздержанности конца тысячелетия. Ковер из насыщенного красного плюша, олени рога, намертво прибитые к желтым стенам, и голубая обивка огромнейших диванов и маленьких диванчиков на двоих. Столы из меди и дымчатого стекла заставлены коллекцией всевозможных змей. Деревянные, керамические, каменные и металлические пресмыкающиеся выстроились рядами на подоконниках и извивались наверху самого большого телевизора, который мне доводилось видеть.

Стены украшены плакатами и увеличенными фотографиями, сделанными во время клубных вечеров и пробегов. На снимках члены клуба выставляли на всеобщее обозрение потные мускулы, сидели на мотоциклах или поднимали бутылки и банки с пивом. Многие выглядели так, словно их извилина, отвечающая за коэффициент умственного развития, недалеко ушла от прямой.

Мы миновали еще пять спален, черную мраморную ванну со встроенным джакузи и открытую стеклянную душевую кабину размером с теннисный корт. Наконец пришли на кухню. Справа от меня на стене висел телефонный аппарат с грифельной доской, на которой были записаны всевозможные номера, зашифрованные алфавитным кодом, и имя местного адвоката.

Слева я заметила лестницу.

– А там что? – поинтересовалась я у Куикуотера.

Констебль не удостоил меня ответом.

Еще один полицейский из Сен-Базиля стоял в дальнем конце комнаты.

– Это дополнительная комната отдыха, – сказал он по-английски. – С террасой и гидромассажной ванной на десять персон.

За деревянным столом, стоявшим у небольшого окна с широким выступом, сидели два человека. Один взъерошенный, другой, холеный, выглядел безукоризненно.

Я вопросительно взглянула на Куикуотера. Он кивнул. У меня испортилось настроение.

Люк Клодель оказался тем самым безымянным несчастным, которого назначили новым напарником Куикуотера. Великолепно. Не хватало мне других неприятностей, так теперь вдобавок ко всему придется работать в компании с Бивисом и Батхедом.

Клодель что-то говорил собеседнику, время от времени похлопывая по документу, который предположительно являлся не чем иным, как ордером на обыск.

У человека, к которому он обращался, было такое выражение лица, словно утро ему, мягко говоря, не очень нравилось. Живые черные глаза, крючковатый нос с горбинкой и столько волос над верхней губой, сколько не бывает даже у моржа. Он мрачно уставился на свои голые ноги и нервно перебирал руками, свисающими между колен.

Куикуотер кивком указал на «моржа».

– Неандертальца зовут Сильвен Билодо. Люк сейчас как раз объясняет ему, что мы прибыли сюда попрактиковаться в садоводстве.

Билодо скользнул взглядом сначала по Куикуотеру, потом по мне – сурово, ни тени улыбки, – затем снова стал сосредоточенно сжимать и разжимать кулаки. Трехцветная змея извивалась по всей длине его руки и жутко смахивала на живую, когда мускулы напрягались и расслаблялись. Мне почему-то подумалось, что сравнение Куикуотера несправедливо по отношению к нашим предкам из палеолита.

Наконец Клодель замолчал, и Билодо поднялся. Хотя в нем было не больше метра шестидесяти, выглядел он как парень с какого-нибудь плаката, донельзя накачанный стероидами. Несколько секунд Билодо смотрел на нас, затем наконец произнес:

– Мужик, что за херню ты несешь! Вы не можете просто вломиться сюда и начать копать повсюду.

В его французском слышался столь чудовищный просторечный деревенский акцент, что я с трудом его поняла. Но общий смысл уловила прекрасно.

Клодель встал и посмотрел Билодо прямо в глаза:

– Вот эта маленькая бумажка как раз и гласит, что мы вправе так сделать. И, как я уже объяснил, у тебя два варианта. Ты можешь показать класс и просто сидеть в уголке как паинька, или же мы вытащим тебя отсюда в наручниках и засунем на неопределенный срок наслаждаться казенными харчами. Выбирать тебе, Носяра.

Клодель произнес кличку издевательским тоном. «Хорошая кликуха», – подумала я.

– И что мне, по-вашему, делать?

– Ты сейчас пойдешь и успокоишь своих братков. Предупредишь, что если они хотят и впредь сохранить здоровье, то сегодня не стоит здесь околачиваться. Ну а в остальном тебе предстоит провести спокойный день и расслабиться. Тебе не придется совершенно ничего делать. А капрал Берринджер останется здесь и присмотрит за тобой.

– Я всего лишь забочусь о бизнесе. Какого, блин, хрена вам взбрело в голову появиться именно сегодня?

Клодель похлопал «моржа» по плечу:

– Жизнь коротка, Носяра.

Билодо стряхнул руку Клоделя и потопал к окну.

– Сукин сын!

Клодель развел руки, словно говоря: «Что поделаешь».

– Возможно, тебе грозили большие неприятности, чем мы, Носяра. Представь только, как повели бы себя братки, узнав, что ты спал на дежурстве.

Билодо стал метаться по комнате, словно попавший в клетку дикий зверь. Потом остановился у стола и врезал по нему со всей силы кулаками.

– Сука!

Мышцы у него на шее вздулись от неистовой ярости, на лбу пульсировала вена, похожая на крошечный ручеек.

Несколько минут спустя Билодо развернулся, осмотрел всех по очереди и наконец пригвоздил меня к месту полным ненависти взглядом в духе Чарльза Мэнсона. Разжал один кулак и направил в мою сторону дрожащий палец:

– Этот ваш гребаный придурок-перебежчик лучше пусть не открывает дверь кому ни попадя. – Его голос дрожал от едва сдерживаемого бешенства. – Потому что жить этому ходячему мертвецу осталось недолго.

* * *

Гребаный перебежчик, о котором велась речь, ждал в сотне ярдов от дома на заднем сиденье джипа без номеров. Он согласился отвезти нас к месту захоронения в обмен на смягчение наказания. Однако его так и не удалось убедить выйти из машины, пока мы будем рядом с домом. Или он останется в машине, или сделка отменяется.

Мы вышли из дома и направились напрямиком к джипу. Я села на переднее сиденье, а Клодель забрался назад. Куикуотер пошел дальше по дороге навстречу следственной группе. В салоне висела такая плотная пелена сигаретного дыма, что я с трудом дышала.

Наш информатор – мужчина среднего возраста с зеленовато-серыми глазами и тусклыми рыжими волосами, собранными в конский хвост на затылке. Белая кожа, прилизанная прическа и бесцветные глаза напоминали о рептилиях. Казалось, он появился на свет из вод подземной пещеры.

Компания «Гадюк» как нельзя кстати подходила ему. Как и Билодо, росточка он был небольшого. Но в отличие от Носяры его больше не интересовало продление членства в сообществе.

Первым заговорил Клодель:

– Лучше бы все прошло как по нотам, Ринальди, или этим парням придется начинать подготовку к похоронам. Похоже, твои ставки в стане соплеменников резко упали.

Ринальди сделал глубокую затяжку, задержал дым в легких и затем выпустил через нос две плотные струи. Его ноздри затрепетали.

– Кто эта дамочка? – Голос звучал странно, словно он пытался всеми силами его изменить.

– Доктор Бреннан будет выкапывать твоё сокровище, Лягуха. И ты собираешься сделать все, что в твоих силах, чтобы оказать ей содействие, не так ли?

– Пф-ф-ф. – Ринальди резко выдохнул воздух сквозь зубы. Как и ноздри, края губ побледнели от напряжения.

– И ты будешь таким же паинькой, как труп в морге, правда ведь?

– Давай, на хрен, не тяни, переходи прямо к сути.

– Упоминание о морге вовсе не случайно, Лягуха. Это сравнение может иметь смысл, если ты вдруг решил подшутить над нами.

– Я и в мыслях не держу подобного дерьма. Здесь на самом деле есть парочка парней, которым пришлось навечно прикусить язык. Давай поскорее покончим с этим чертовым представлением.

– Что ж, давай, – примирительно согласился Клодель.

Ринальди резко встряхнул костлявыми пальцами, отчего наручники, сковывавшие его запястья, громко задребезжали.

– Обогните здание и найдите грязную тропинку справа.

– Звучит вроде бы правдоподобно, Лягуха.

«Лягуха. Еще одно весьма точное прозвище», – подумала я, вслушиваясь в странный квакающий голос Ринальди.

Клодель вышел из машины и показал большой палец Куикуотеру, стоявшему у фургона криминалистов в десяти метрах от нас. Я повернулась, чтобы посмотреть, и перехватила пристальный взгляд Ринальди, словно он пытался расшифровать мой генетический код. Когда наши взгляды встретились, он не отвернулся, продолжая глазеть на меня. Я тоже не отвела взгляда.

– У вас какие-то вопросы ко мне, мистер Ринальди? – поинтересовалась я.

– Странная работа для дамочки, – произнес он, по-прежнему не прерывая визуальный контакт.

– Просто я сама довольно странная дамочка. Однажды я пописала в бассейн Сони Барджера. – Я не имела ни малейшего представления, есть ли бассейн у бывшего президента «Ангелов ада», но прозвучало это очень даже неплохо. Кроме того, упоминание о Барджере, по-видимому, разозлило Лягуху.

Прошло несколько секунд, потом Лягуха выдавил неестественную улыбку, слегка встряхнул головой и потянулся, чтобы потушить сигарету в маленьком желобе между передними сиденьями. Наручники соскользнули, и я заметила две вытатуированные молнии на его предплечье, а над ними слова: «Плохие парни».

Клодель вернулся в машину в сопровождении Куикуотера, который, не промолвив ни слова, сел за руль. Мы объехали дом и стали углубляться в лес. Ринальди молча смотрел в окно, без сомнения пребывая во власти своих собственных ужасающих демонов.

Указанная им дорога представляла собой всего лишь две колеи. Машины и фургон следственной группы с трудом ползли за нами через растительную слякоть и грязь. В одном

месте Куикуотеру и Клоделью пришлось даже выйти и убрать упавшее на тропу дерево. Они впустили парочку метнувшихся в сторону белок, когда растаскивали уже начавшие гнить ветки.

Вернулся Куикуотер, насквозь взмокший от пота и с грязными до колен брюками. А вот Клодель совсем не испачкался. Он вел себя так, словно присутствовал на официальном приеме, куда каждый приглашенный обязан явиться в смокинге. Мне вдруг пришло в голову, что Клодель мог бы выглядеть подтянутым и опрятным, даже если бы разгуливал в одном нижнем белье, но потом я засомневалась, что он вообще способен на такое.

Клодель лишь ослабил галстук на целый миллиметр и постучал в окно со стороны Ринальди. Я открыла дверь, но Лягуха никак не отреагировал, продолжая пыхтеть сигаретой.

Клоделью пришлось постучать еще раз, и только тогда Лягуха сообразовал нажать на ручку. Дверь распахнулась, и наружу вырвался столб дыма.

– Потуши-ка эту дрянь, у нас нет с собой противогазов. Твои клетки памяти еще функционируют, Лягуха? Ты узнаешь местность? – поинтересовался Клодель.

– Они здесь. Вам надо только, черт вас побери, заткнуться и дать мне возможность осмотреться.

Ринальди вылез из машины и стал смотреть по сторонам. Куикуотер окинул меня еще одним из своих коронных ледяных взглядов, пока наш информатор осуществлял визуальный обзор окрестностей. Я сделала вид, что ничего не заметила, и сосредоточилась на собственном осмотре.

Когда-то это место использовалось как мусорная свалка. Вокруг в несметном количестве валялись пустые консервные банки и пластиковые упаковки, бутылки из-под пива и вина, старые матрасы и ржавые контейнеры. На земле виднелось множество едва заметных оленьих следов, исчезавших за ближайшими деревьями.

– Я начинаю терять терпение, Лягуха, – поторопил Клодель. – Я бы досчитал до трех, как обычно делаю с детьми, но уверен, что для тебя это будет как высшая математика.

– Может, ты просто заткнешь свой поганый...

– Полегче! – оборвал его Клодель.

– Я не был здесь несколько лет. Раньше поблизости стоял сарай. Мужик, как только я обнаружу этот гребаный сарай, то сразу же отведу вас к ним.

Лягуха принялся рыскать по лесу в поисках точного места, словно гончая, почуявшая запах зайца. С каждой проходящей минутой он все больше терял самоуверенность, и мне начали передаваться его сомнения.

Мне приходилось присутствовать на многих следственных экспериментах, и в большинстве случаев поездка на место происшествия – напрасная трата времени. Полученные от заключенных сведения заведомо ненадежны либо из-за того, что осведомитель лжет, либо он попросту запамятовал, что к чему. Мы с Ламаншем дважды принимали участие в выезде на очистные сооружения, где, согласно источнику, было спрятано тело убитого. Две вылазки – и никакого трупа. Осведомитель вернулся в тюрьму, а налогоплательщики оплатили счет.

Наконец Ринальди вернулся к джипу:

– Надо проехать дальше.

– Насколько дальше?

– Я вам что, географ? Слушайте, я сразу же узнаю место, как только увижу его. Там точно стоял деревянный сарай.

– Ты повторяешься, Лягуха. – Клодель демонстративно взглянул на часы.

– *Sacré bleu!*¹⁴ Если вы оставите в покое мою задницу и просто проедете чуть дальше, то получите своих покойничков.

¹⁴ Французское ругательство.

– Лучше бы тебе оказаться правым, Лягуха. Или ты по уши завязнешь в самой большой куче дерьма в этом тысячелетии.

Мужчины снова забрались в джип, и вся процессия медленно поползла дальше. Метров через двадцать Ринальди поднял руки. Он вцепился в спинку моего сиденья и подался вперед, высматривая что-то сквозь ветровое стекло.

– Придержите-ка! Там. Вот он, я же говорил.

Куикуотер затормозил.

Ринальди указал на стены небольшого деревянного строения без крыши. Большая часть сарая развалилась, куски кровли и прогнившего дерева валялись на земле.

Все вышли. Ринальди сделал несколько шагов, помедлил минуту, потом углубился в лес под углом в сорок градусов от сарая.

Мы с Клоделем следовали за ним по пятам, продираясь сквозь прошлогоднюю траву и кусты и отводя назад ветки, на которых почки не появятся еще несколько недель. Солнце уже взошло, и деревья отбрасывали длинные причудливые тени на болотистую почву.

Когда мы догнали Ринальди, он стоял на краю поляны, покачивая руками перед собой, – плечи развернуты, как у самца шимпанзе, который собирается выступить в цирковом представлении. Выражение его лица внушало опасения, что мы опять напрасно тратим время.

– Это место порядком изменилось, мужик. Я не помню, чтобы тут росло так много деревьев. Мы обычно приезжали сюда, чтобы пожечь костры и расслабиться на лоне природы.

– Меня несколько не интересует, как вы с приятелями проводили летние деньки, Лягуха. Ты не укладываешься в отведенное время. Ты получишь на полную катушку, все двадцать пять лет срока, а мы будем читать о том, как тебя нашли в душевой с дудкой в твоей паршивой заднице.

Мне никогда прежде не доводилось слышать, чтобы Клодель выражался так цветисто.

Лицевые мышцы Ринальди напряглись, однако он смолчал. Хотя сегодня утром подмораживало, на нем была только черная футболка и джинсы. Руки худые и жилистые, на бледной коже от холода выступили мелкие пупырышки.

Он развернулся и направился в центр поляны. Справа виднелся небольшой ручеек. Ринальди начал продираться к берегу сквозь сосновые заросли с длинными иголками, дошел туда, посмотрел направо и налево, затем двинулся вверх по течению. Мы всей компанией пустились следом за ним. Через двадцать метров Ринальди остановился и стал обшаривать костлявыми руками участок голой земли. Нужно нам место находилось между потоком и скоплением валунов. Сверху его засыпало ветками, пластиковыми контейнерами, консервными банками и мусором, который принесло сезонное наводнение.

– Вот ваши гребаные могилы.

Я взглянула ему в лицо. Сейчас оно вновь приняло невозмутимое выражение, неуверенность во взгляде сменилась самонадеянной наглостью.

– Если это все, что ты можешь предложить, Лягуха, тебя ждут крупные неприятности, – нахмурился Клодель.

– Вот угроз-то не надо, мужик. Прошло уже больше десяти лет. Если эта баба разбирается в своем дерьме, она найдет их.

Пока я осматривала участок, который указал Ринальди, у меня в груди все похолодело. Больше десяти лет сезонных затоплений. Там не будет ни одной подсказки. Никакой впадины. Никакой активности насекомых. Никаких изменений в растительности. Стратиграфия тоже не поможет. Ничего, что могло бы указать на подземное захоронение.

Клодель вопросительно взглянул на меня. За его спиной едва слышно журчал водный поток. Где-то наверху каркнула ворона, и раздалось ответное карканье.

– Если они здесь, я вытащу их, – наконец произнесла я с большей уверенностью, чем ощущала на самом деле.

Прозвучавшее вслед за моими словами карканье весьма смахивало на чей-то издевательский смех.

8

К полудню мы очистили от растений и мусора участок земли приблизительно метров пятьдесят в длину и пятьдесят в ширину. Основывались мы на смутных воспоминаниях Ринальди. Выяснилось, что сам он трупов и в глаза не видел, но опирается на «достоверную информацию». Среди членов банды ходили слухи, что будущих жертв пригласили отдохнуть на лоне природы, потом отвели в лес и выстрелили обоим в голову. Замечательная выдалась вечеринка!

Я разметила участок на квадраты, затем выставила вдоль границ оранжевые пластиковые столбы с интервалом в полтора метра. Поскольку трупы редко кто зарывает глубже двух метров, я затребовала для сканирования почвы подповерхностный радиолокатор с частотой 500 Меггерц. Именно эта частота эффективна на такой глубине. Через час прибор уже доставили на место.

Работая с оператором, я выкопала пробный шурф за пределами зоны поиска, чтобы оценить плотность, степень влажности, изменения наружного слоя и другие грунтовые условия. Затем мы снова засыпали ямку, погрузив туда кусок металлического прута. Оператор начал сканировать шурф для установки контрольных данных.

Он как раз заканчивал окончательную настройку оборудования, когда из джипа вылез Лягуха и робко приблизился ко мне в сопровождении приставленного к нему полицейского. Для него все происходящее было в новинку. Сегодняшнее утро, на время исключившее вероятность выстрела наемного убийцы, слегка умерило его страх за собственную жизнь.

– А это что за хрень? – спросил он, указав на приборы, выглядевшие как хитроумные изобретения из фильма «Назад в будущее».

В эту минуту к нам присоединился Клодель:

– Лягуха, тебе бы пошло на пользу пополнение словарного запаса несколькими новыми прилагательными. Может, тебе стоит приобрести один из таких календарей, которые каждый день показывают какое-нибудь новое слово.

– Да пошел ты на!..

Могу сказать, что мне в некотором смысле нравятся английские крепкие словечки. Словно звуки родной речи в чужой стране.

Я посмотрела на Лягуху, чтобы проверить, не кривляется ли он, но светло-зеленые глаза выражали неподдельный интерес. Ладно. Там, куда он отправится, навряд ли удастся расширить кругозор.

– Это многофункциональная система ГРЛС.

Лягуха озадаченно посмотрел на меня.

– Глубинная радиолокационная станция. – Я показала на терминал. – Это и есть устройство ГРЛС. Оно принимает отраженные сигналы, посланные с антенны, и передает изображение вот на этот экран.

Я махнула в сторону похожей на санки конструкции с вертикальной рукояткой и длинным толстым кабелем, соединяющим ее с коробкой ГРЛС.

– Это антенна.

– Больше смахивает на газонокосилку.

– Да уж. – Мне стало интересно, что Лягуха вообще знает об уходе за лужайками. – Когда оператор проталкивает антенну через грунт, она передает сигнал, затем посылает данные на устройство ГРЛС. Радиолокационная станция оценивает силу сигнала и время его прохождения.

Казалось, он действительно понимает, о чем я говорю. Клодель с деланным безразличием тоже прислушивался к объяснениям.

– Если в грунте что-то есть, сигнал искажается. На его силу влияют величина подземных искажений и электрические особенности верхних и нижних границ. Характеристики глубины определяют, сколько времени понадобится сигналу, чтобы спуститься и вернуться.

– Выходит, эта штукавина может сказать вам, где именно находится труп?

– Не само тело. Но устройство сообщит, есть ли подземные помехи, и даст информацию о размере и месторасположении предмета, вызвавшего их.

Лягуха казался слегка озадаченным.

– Когда выкапываешь яму и помещаешь в нее что-нибудь, участок грунта уже никогда не будет таким, как прежде. То, что вы туда кладете, может иметь меньшую плотность, другой подбор элементов или отличные от окружающей структуры электрические способности.

Все так. Но я сильно сомневалась, что здесь как раз именно такой случай. Десять лет просачивания воды сквозь грунтовые слои могли запросто сгладить все различия в почве.

– И любой закопанный предмет, будь то кабель, невзорвавшийся снаряд или человеческое тело, будет посылать сигнал, отличный от сигнала прилегающего грунта.

– Прах к праху. А что, если частички трупа просочатся в питьевую воду, которая завтра будет на наших столах?

Пять баллов за отличный вопрос, Лягуха.

– Разложение субстанции способно изменить химический состав и электрические свойства земли, так что на поверхности даже могут показаться кости и разложившиеся тела.

Могут, но не сейчас.

В эту минуту оператор радиолокатора подал сигнал о том, что он готов.

– Куикуотер, не хотели бы вы немного потаскать салазки? – громко предложила я.

– Давайте я, – вызвался добровольцем Клодель.

– Хорошо. Возьмите в помощь одного из ребят, чтобы шел следом за вами и проверял кабель. Это несложно. Начинайте с того места, где оператор установил антенну, сразу за очищенным участком. Когда будете проходить самую северную линию столбов, дважды нажмите кнопку дистанционного включения. Она расположена вот здесь, на рукоятке. Сигнал установит границу для сектора исследований. Медленно продолжайте тащить салазки, примерно две трети от обычного прогулочного шага, удерживая волокушу как можно ровнее. Каждый раз, когда будете проходить поперечный столб, нажимайте один раз кнопку. Дойдя до самого края, снова передайте двойной сигнал, чтобы отметить конечный пункт надреза. Потом мы оттащим эту штукавину назад и приступим ко второму заходу.

– Почему нельзя просто ходить взад-вперед?

– Потому что распечатки данных с примыкающих квадратов невозможно будет сравнить, если они будут сделаны с противоположных направлений. Мы пройдем весь участок от севера к югу – это тридцать заходов, – потом повторим процедуру с востока на запад.

Клодель кивнул.

– Я останусь с оператором и буду следить за экраном. Если мы заметим искажения, дам вам знать, и ваш напарник отметит это место.

* * *

Час спустя поиск завершился, и все собрались около фургона, разворачивая сэндвичи и открывая банки с содовой. Двенадцать голубых столбиков образовывали три квадрата внутри размежеванной решетки.

Результаты превзошли все мои ожидания. Данные третьего и тринадцатого надрезов, сделанных с севера на юг, выявили помехи от предметов, расположенных приблизительно на одной глубине и имеющих равную длину. Но прежде всего мое внимание привлек контур,

полученный после одиннадцатого захода. Я запросила распечатку и внимательно изучала ее, поглощая булочку с сыром.

Снимок представлял собой измерительную сетку. Горизонтальные линии указывали глубину, исходя из нашей маркировки, с изображением контрольного углубления и отметкой верхнего слоя грунта. Обозначенные пунктиром вертикальные линии соответствовали сигналам, посылаемым Клоделем, когда он пересекал каждый столбик.

Сразу под верхним слоем грунта шла хотя и волнистая, но в целом более или менее горизонтальная линия. На линию «11 – север» сетки координат накладывалось изображение ряда колоколообразных кривых, одна внутри другой, похожих на ребра скелета. Снимок указывал на наличие искажений на пересечении линии «11 – север-юг» и линии «4 – восток-запад». Предмет находился примерно на глубине в полтора метра.

Я взяла снимки участка, сделанные во время осмотра с востока на запад. Сравнив перпендикулярные срезы, смогла прикинуть размер и форму закопанного объекта. Увиденное заставило сердце биться быстрее.

Аномалия имела примерно два метра в длину и один метр в ширину. Размер могилы.

На глубине, обычной для могилы.

– Как думаете, это сработает? – Увлечшись, я не заметила, как подошел Клодель.

– Мы нашли их.

– Уже?!

– Определенно.

Я допила диетическую колу и забралась в джип. Фургон медленно покотился за нашей машиной, которую Куикуотер направил к координатам «11 – север» и «4 – восток». Мы решили, что я начну копать именно в этом месте, а Клодель и Куикуотер проверят другие два, где также были выявлены помехи. После того как я определю участки, они начнут с помощью совка удалять землю тонкими слоями, тщательно просматривая каждую пядь.

Я проинструктировала следователей-«росомах», на что следует обращать внимание. Если они заметят какие-либо изменения в цвете грунта или в его текстуре, то должны позвать меня. Нам всем будут помогать специалисты из криминалистической службы, или КС. Фотографы будут вести фото- и видеосъемку всех наших действий.

Именно этим мы и занялись.

Клодель наблюдал, как его подручные выкапывают предмет в квадратах «13 – север» и «5 – восток» примерно в трех метрах от моего участка. Время от времени я посматривала в ту же сторону. Клодель стоял над своей командой, жестами показывая, где следует копать, или громко спрашивал, что там виднеется в грязи. Пора ему уже снять свою спортивную куртку.

Примерно через полчаса в яме Клоделя раздался громкий стук лопаты. Я вскинула голову, почувствовав, что желудок сжался в тугий комок. Лезвие ударило по чему-то твердому и прочному.

Мы с криминалистами принялись очищать находку по контуру. Клодель молча ждал. Хотя объект покрылся ржавчиной и был облеплен землей, его форма не оставляла места для сомнений. Помощник Клоделя из КС вскрикнул:

– Бог мой! Да это же гриль!

– Эй, месье Клодель, планируете устроить барбекю? Подбрасывать в воздух гамбургеры, притащить летние стульчики, может, даже девочек пригласить?

– Жан, парнишка, скажи-ка Люку, что все эти удовольствия можно без особых сложностей приобрести в универмаге.

– Да уж. – Клодель даже не улыбнулся. – Ты такой веселый, что нам срочно необходим свободный мешок для трупа, потому что я сейчас со смеху помру от твоих шуточек. А пока его не принесли, давай-ка копай. Нам все еще нужно вытащить эту штуковину на свет божий и проверить, нет ли под ней других сюрпризов.

Клодель оставил гриль на попечение своей команды и вместе со мной вернулся в сектор «11 – север – 4 – восток». Я продолжила копать в северной точке, а Клодель пошел руководить моими помощниками из КС в южной. К двум часам дня мы углубились приблизительно на один метр. Пока я не заметила в яме или на экране ничего, что указывало бы на близость захоронения.

И тогда я увидела ботинок.

Он лежал на боку, каблук слегка выдавался вверх. Воспользовавшись совком, я очистила землю, освобождая область вокруг него. Мой помощник сначала просто наблюдал, потом принялся скрести в дальнем конце ямы. Клодель молча ждал.

Через несколько минут я нашла второй ботинок. Кропотливо, горсть за горстью, я счищала землю, пока вся пара не предстала обозрению полностью. Кожа промокшая и сильно обесцвеченная, петельки покореженные и ржавые, но оба ботинка сохранились довольно хорошо.

Закончив высвобождать обувь из земли, я занесла в отчет данные о ее положении и глубине, на которой она была найдена. Фотограф произвел съемку моей находки. Потом я тщательно осмотрела каждый ботинок и положила их в пакеты для улик. Внутри не было никаких человеческих останков.

Плохой знак.

Небо сверкало фаянсовой голубизной, сильно припекало солнце. Иногда легкий ветерок над нашими головами игриво подхватывал ветки, прижимая их друг к другу, сплетая в мимолетном танце и вновь разлучая. Справа от меня чуть слышно журчал ручеек, уже много веков струившийся по оставшимся от ледников камням.

Капля пота скатилась у меня со лба и отправилась в неторопливое путешествие вниз по шее. Я через голову стянула спортивный свитер и набросила его на ветки стоявших рядом с ямой сосен. Мои потовые железы активно заработали, только вот я не была уверена, что именно послужило причиной столь обильной испарины: то ли весеннее солнце, то ли напряжение.

Во время эксгумации я всегда пребываю во власти одних и тех же переживаний. Любопытство. Предвкушение. Страх неудачи. Что лежит под следующим слоем? Может, ничего? Или, возможно, что-то есть, но мне не удастся вытащить это наружу, не повредив?

Меня снедало желание схватить совок и начать рыть прямо вниз, не останавливаясь. Но открытая разработка – не панацея. Каким бы утомительным ни казался весь процесс, я знала: надлежащая техника – залог успеха. В таком деле, как это, немаловажную роль играли максимальное восстановление костей, материальных остатков и подробностей обстановки. Так что я продолжала корпеть над объектом, разрыхляя землю, а затем помещая ее в ведра для дальнейшей фильтрации. Краем глаза я видела, как техник из КС дублирует мои движения. Клодель в молчании застыл над ним. Через несколько минут он наконец снял куртку.

Белые пятна мы заметили одновременно. Клодель уже открыл рот, чтобы обратить на них мое внимание, но я его опередила.

– Есть! – сказала я.

Клодель взглянул на меня, вопросительно подняв брови, и я кивнула в ответ:

– Похоже на известь. Обычно это означает, что тут что-то есть.

Крапинки сменились слоем вязкого белого ила, а потом мы нашли первый череп. Он лежал лицом вверх, словно его наполненные грязью глазницы жаждали кинуть прощальный взгляд в небесную высь. Фотограф громко известил остальных о находке, и они, побросав свои дела, сгрудились вокруг нашей ямы.

Пока солнце совершало неспешное путешествие к горизонту, мы обнаружили два скелета. Они лежали на боку – один в позе эмбриона, у второго руки и ноги неестественно

выгнуты назад. Их черепа, тазовые и бедренные кости давно лишились плоти и окрасились в тот же коричневатый цвет, что и земля, в которой они покоились.

То, что осталось от ног, лежало в почти сгнивших носках. Туловище покрывали клочки гнилой одежды. Ткань окутывала каждую руку, плотно прилегая к костям, отчего казалось, что видишь перед собой жуткое человекообразное пугало. Проволока обматывала запястья, а среди позвонков ютились застежки-молнии и большие металлические пряжки от ремней.

К половине шестого криминалистам удалось полностью освободить останки от земли. Помимо ботинок, у нас на руках оказалось собрание изъеденных ржавчиной гильз и нескольких зубов, найденных во время просеивания. Фотографы как раз делали фото- и видеосъемку, когда Лягуха уговорил охранника разрешить ему еще одну вылазку.

– Алло! Приветик вам! – насмешливо обратился он к скелетам в яме, издевательски приподнимая за краешек невидимую шляпу. Потом повернулся ко мне: – Или, наверное, с учетом вашего присутствия мне следовало сказать «приветик вашим костям»?

Я сделала вид, что не обратила внимания на его каламбур.

– Черт! Почему только рубашки и носки? А где все остальное?

Я была не в настроении читать очередную лекцию.

– А, вспомнил, – захихикал он, уставившись в яму. – Их заставили снять ботинки и нести их в руках. Но где, черт возьми, штаны?

– Прах к праху, помните? – спросила я отрывисто.

– «Дерьмо к дерьму» подходит больше. – Его голос дрожал от возбуждения, словно вся эта картина чрезвычайно радовала его.

Бессердечность Ринальди показалась мне раздражающей. Смерть всегда причиняет боль. Просто, как дважды два. Всем она приносит одни лишь страдания: самим умирающим, любящим их людям и, наконец, тем, кто находит их тела.

– На самом деле все происходит наоборот, – возразила я. – Как раз дерьмо-то и сохраняется дольше всего. Натуральные волокна вроде хлопчатобумажной ткани «ливайсов» разрушаются гораздо быстрее, чем синтетические.

– Черт, выглядят они препаршиво. А здесь больше ничего нет? – поинтересовался Лягуха, заглянув в могилу. Глаза блестели, отчего он походил на крысу, сидящую на развалинах. – Зря они пошли на эту вечеринку, верно? – фыркнул он.

«Верно, – подумала я. – Решение оказалось роковым».

Я принялась ожесточенно чистить лезвие совка, чтобы успокоиться. Внизу, под нашими ногами, лежат два тела, а этот мелкий грызун получает невероятное удовольствие от всей ситуации.

Я повернулась посмотреть, закончили ли фотографы, и заметила идущего в нашу сторону Куикуотера.

Великолепно. Пусть мне повезет, подумала я, страстно надеясь, что он ищет не меня. Мои чаяния не оправдались. Я смотрела за приближением констебля, радуясь его приходу не больше, чем если бы мне грозило обморожение.

Куикуотер подошел ближе и пригвоздил меня к месту одним из своих коронных ледяных взглядов – лицо словно высечено из гранита. От него пахло мужским потом и соснами, и я поняла, что за целый день он и на минуту не присел. Пока все остальные периодически прерывались, чтобы посмотреть, как продвигаются дела на основном месте захоронения, Куикуотер не прекращал свою работу. Может статься, он просто не желал меня видеть и хотел сохранить дистанцию. Что ж, меня сложившееся положение вполне устраивало.

– Вам следует кое-что увидеть.

Было в нем какое-то внутреннее безмолвие, от которого я терялась. Я надеялась услышать дальнейшие объяснения, но Куикуотер развернулся, не произнеся ни слова, и зашагал назад, ни капли не сомневаясь, что я последую за ним.

Высокомерный придурок!

Деревья отбрасывали длинные тени, и уже похолодало. Я взглянула на часы. Почти шесть. Казалось, бутерброды были в желудке миллион лет тому назад.

Я потащила через весь очищенный участок к сектору «3 – север – 9 – восток» – месторасположению предмета, над которым работала группа Куикуотера. И очень удивилась, увидев, что они вскопали весь квадрат.

Объект, вызвавший озабоченность Куикуотера, лежал на глубине одного метра. Следуя моим инструкциям, никто к нему не прикасался. Группа раскапывала оставшуюся часть квадрата на глубине в два метра.

– Это оно?

Куикуотер кивнул.

– Больше ничего?

Выражение его лица ни на йоту не изменилось.

Я посмотрела по сторонам. Они, очевидно, не пропустили ни одного миллиметра. Сито по-прежнему находилось на опорах, по обе стороны от него возвышались горки тяжелой от влаги земли. Создавалось впечатление, будто ребята скрупулезно просеяли каждую частичку грунта. Я снова посмотрела на горку земли, на которой, как на пьедестале, покоился жуткий экспонат.

Находка Куикуотера не имела совершенно никакого смысла.

9

Я прикрыла глаза и стала вслушиваться в далекое, едва различимое мычание коров. Где-то жизнь текла спокойно, обыденно и имела смысл.

Когда я вновь посмотрела на находку, кости никуда не делись, но смысла в них так и не прибавилось. Сумерки стремительно сгущались, постепенно захватывая у пейзажа детали, напоминая медленное исчезновение изображения в старых фильмах. Сегодня нам уже не удастся закончить, так что с ответами придется подождать.

Я бы не стала подвергать столь важные улики риску уничтожения, бродя по окрестностям в потемках. Захоронения находятся здесь уже довольно давно, так что ничего страшного, если они побудут на прежнем месте еще несколько часов. Мы уберем обнаруженные останки из каждой могилы, но этим на сегодня и ограничимся. Район будет охраняться, а работу мы продолжим завтра утром.

Куикуотер все еще не сводил с меня взгляда. Я оглянулась, но Клоделя нигде не было видно.

– Мне надо переговорить с вашим напарником, – сказала я, возвращаясь к своему участку.

Куикуотер кивнул, затем вытащил из куртки сотовый телефон, набрал номер и протянул аппарат мне. Клодель ответил почти сразу же.

– Где вы?

– За тополем. Мне что, надо было запросить письменное разрешение сходить помочиться?

«Глупый вопрос», – Бреннан.

– Ваш напарник счел, что двух скелетов недостаточно, поэтому он нашел нам третий.

– *Sacré bleu!*

– Ну, на самом деле не совсем скелет. На данный момент холостяк под номером три состоит из черепа и парочки длинных костей.

– А где остальное?

– Очень пронизательный вопрос, детектив Клодель. Он и меня саму тоже приводит в некоторое замешательство, если уж говорить начистоту.

– Что вы собираетесь делать?

– Давайте-ка мы вытащим все кости, а потом продолжим наши изыскания при дневном освещении. Полиции Сен-Базиля придется окружить эту территорию и поставить охрану у каждой могилы. По-моему, сторожить это место будет не слишком трудно, поскольку байк-клуб «Гадюк» охраняется лучше, чем центр ядерных исследований в Лос-Аламосе.

– Домовладельцы будут очень рады подобному повороту событий.

– Да уж, но ведь и в мои планы это все тоже не входило.

* * *

Меньше часа понадобилось, чтобы разложить по пакетам кости и отправить их в морг. Гриль вместе с другими вещественными доказательствами был промаркирован и послан в криминологическую лабораторию. Потом я накрыла ямы полиэтиленовой пленкой и оставила их на попечение полицейского департамента Сен-Базиля.

Как и следовало ожидать, мы с Куикуотером вернулись в город в гробовом молчании. Оказавшись дома, я первым делом набрала номер Райана – никто не ответил.

– Почему, Энди, почему? – прошептала я, словно он мог меня услышать. – Пожалуйста, пусть все окажется просто дурным сном.

Мой вечер состоял из ванной и пиццы. Спать я легла рано.

* * *

Рассвет застал нас всех на поляне для пикника, облюбованной «Гадюками». Ручей по-прежнему журчал, птицы, как и накануне, обменивались возмущенным чириканьем, и снова я наблюдала за облачками пара от дыхания в свежем утреннем воздухе. Изменились только два обстоятельства.

На сей раз с нами не было Клоделя: он предпочел остаться в городе, чтобы проверить другие ниточки.

За ночь слух об обнаруженных трупах просочился в средства массовой информации, и по прибытии нас приветствовали непрощенные гости. Вдоль автострады выстроились в ряд машины и фургоны, и на нас обрушился шквал вопросов на французском и английском языках.

Не обращая на журналистов никакого внимания, мы миновали нацеленные на нас камеры и микрофоны, показали удостоверения несшему вахту полицейскому и проскользнули в ворота.

Я вновь открыла каждую могилу и начала с того места, где вчера остановилась, – с места двойного захоронения. Прокопала в глубину метра два, но обнаружила всего лишь несколько костей рук и очередную пару ботинок.

То же самое я повторила с участком Куикуотера, с каждым новым совком земли приходя во все большее недоумение. Помимо найденных вчера черепа и костей ног, яма оказалась совершенно пустой. Никаких украшений или остатков одежды. Никаких ключей или пластиковых удостоверений личности. Ни малейшего признака волос или мягких тканей. Повторное сканирование ГРЛС не обнаружило и намека на другие искажения сигнала в исследуемой области.

Еще один факт придавал происходящему оттенок нереальности. Хотя в могиле с двумя скелетами находилось множество мертвых насекомых, в секторе «3 – север – 9 – восток» не наблюдалось ни одной окаменелой личинки или куколки. Пока мне не приходило в голову ни одного разумного объяснения подобному отличию.

К пяти часам мы снова закопали ямы и загрузили мое оборудование в машину следственной группы. Я совершенно вымоталась, была покрыта грязью с ног до головы и окончательно запуталась. Запах смерти впитался в волосы и одежду. Больше всего на свете хотелось оказаться дома и провести часок наедине с мылом и водой.

Куикуотер выехал через ворота, и тотчас же компания телевизионщиков окружила джип, не пропуская нас дальше. Пришлось остановиться. Мужчина средних лет с прилизанными волосами и безупречными зубами обогнул машину и постучал в стекло с моей стороны. Оператор за его спиной навел объектив камеры мне прямо в лицо.

Будучи не в том настроении, чтобы соблюдать правила вежливости, я опустила стекло, высунулась наружу и попросила его, не поскупившись на красочные выражения, освободить дорогу. Камера включилась, и репортер забросал меня агрессивными вопросами. В ответ я высказала ряд предположений о том, куда он и все его оборудование могут направиться, ко всеобщему удовольствию. Потом, скромно опустив глаза, откинулась назад и нажала кнопку на дверце. Куикуотер дал газу, и мы рванули прочь. Я повернулась и успела заметить, как журналист растерянно застыл на дороге, все еще вцепившись в микрофон, с выражением искреннего недоумения на холеном лице.

Я устроилась как можно удобнее и прикрыла глаза, зная, что никакой беседы с Куику-отером не ожидается. Пожалуй, оно и к лучшему. В голове вертелся круговорот вопросов, сплетавшихся и клубившихся наподобие воды в переполненном ручье.

Кто третья жертва? Как этот человек умер? Ответы я надеялась найти в лаборатории.

Когда именно наступила смерть? Каким образом часть его трупа оказалась в тайном захоронении в окрестностях мотоклуба «Гадюк»? Эти вопросы следовало задать самим «Гадюкам».

Самым непонятным было отсутствие частей тела. Где остальные кости скелета? Вынимая и укладывая кости для транспортировки, я внимательно осмотрела их на наличие признаков разрушений, причиненных животными. Медведи, волки, койоты и другие хищники, если представится возможность, с радостью отужинают человеческими останками. Впрочем, как и домашние собаки и кошки.

Но я не увидела никаких свидетельств того, что пожиратели падали покинули это место, унеся отсутствующие части. Не было никаких обглоданных суставов и диафизов, царапин от зубов и следов укусов. Не наблюдалось также никаких отметин от использования пилы или ножа, так что версия о расчленении тела тоже отпадала.

Итак, вставал вопрос: куда делись остальные части умершего человека?

* * *

Я собиралась провести вечер среды в том же духе, что и накануне, только с незначительными изменениями. Горячая ванна. Ужин, разогретый в микроволновке. Пэт Конрой. Сон. Но все пошло не так, как было запланировано, разве что кроме первого пункта.

Я как раз вытерлась полотенцем и нырнула в зеленую фланелевую ночную рубашку, когда зазвонил телефон. Верди поплелся вслед за мной в гостиную.

– Mon Dieu, скоро твое лицо начнут узнавать чаще, чем мое.

Определенно, только этого мне и не хватало. Работая в театре и на телевидении вот уже больше двадцати лет, Изабель была одной из самых популярных актрис в Квебеке. Куда бы она ни пошла, ее всюду узнавали.

– Я стала гвоздем шестичасовых новостей, – догадалась я.

– Представление, достойное «Оскара». Блестящее воплощение в жизнь необузданной ярости и свирепой вспышки гнева...

– Что, действительно так плохо?

– Прическа у тебя очень даже ничего.

– Они назвали мою фамилию?

– Mais oui, docteur Brennan¹⁵.

Проклятье! Верди, предвкушая долгий разговор, устроился у меня на коленях, когда я тяжело плюхнулась на диван.

– Они пустили в эфир звук?

– Не стоит беспокоиться, Темпе, я довольно хорошо читаю по губам. Откуда ты узнала такие выражения?

Я застонала, воссоздав в памяти некоторые из своих самых красочных предложений о том, куда следует поместить все эти камеры и микрофоны.

– Но я звоню не по этому поводу. Хочу, чтобы ты пришла ко мне в гости на субботний ужин. Я пригласила парочку друзей и полагаю, что тебе надо пройти несколько сеансов социальной терапии, на время выкинуть из головы всех этих твоих противных байкеров и историю с Райаном.

¹⁵ Конечно же, доктор Бреннан (фр.).

История с Райаном.

– Изабель, не думаю, что сейчас из меня получится хороший собеседник. Я...

– Темпе, отказа я не приму. И хочу, чтобы ты надела жемчуга, надушилась и принарядилась как следует. Твое настроение от этого только выиграет.

– Изабель?! Скажи-ка честно, не пытаешься ли ты устроить для меня очередное свидание?

На несколько секунд в трубке воцарилась тишина.

– Темпе, твоя работа наложила на тебя отпечаток: ты слишком подозрительна. Я же сказала: просто придет парочка друзей. Кроме того, у меня припасен для тебя сюрприз.

Ох, только не это!

– Какой?

– Никакого сюрприза не получится, если я скажу тебе.

– Все равно скажи.

– Воп. Я хочу, чтобы ты познакомилась с одним человеком. Мне точно известно, что сам он с нетерпением ждет встречи. На самом деле вы и прежде встречались, но не были представлены друг другу. Этот человек ни на йоту не заинтересован в романтических отношениях. Верь мне.

За прошедшие два года я познакомилась со многими друзьями Изабель, в большинстве своем из мира искусства. Некоторые были откровенно скучными, иные – очаровательными. Многие придерживались нетрадиционных взглядов на секс. Но каждый из них был по-своему уникален. Она права. Один легкомысленный вечер мне не помешает.

– Ладно, договорились. Что принести с собой?

– Ничего не нужно. Просто надень туфли на высоком каблуке и будь на месте в семь часов.

Высушив и причесав волосы, я засунула ужин из морепродуктов в микроволновку. И как раз устанавливала таймер, когда раздался звонок в дверь.

«Райан!» – полыхнула во мне внезапная радость, когда я шла в прихожую. Вся история оказалась простым недоразумением. Ну а если нет? Хочу ли я и вправду встретиться с ним? Так ли уж стремлюсь узнать, где он был все это время и что делал?

Да. Причем безумно.

Самокопание оказалось излишним, потому что монитор показал стоящего снаружи Жана Бертрана, а не его напарника. Я запустила Жана в подъезд, потом пошла в спальню за носками и халатом. Войдя в квартиру, он на мгновение замешкался, словно стараясь успокоиться. Последовала неловкая пауза, потом Жан протянул руку. На ощупь она оказалась холодной.

– Привет, Темпе! Извини, что нагрел так внезапно.

Сдается мне, песня «Удивить Темперанс Бреннан» в последнее время пользуется бешеным спросом. Я кивнула.

Лицо унылое, под глазами темные круги от недосыпания. Всегда безукоризненно одетый, в этот раз Бертран был в линялых джинсах и помятой замшевой куртке. Он принялся что-то говорить, но я прервала его, предложив пройти в гостиную. Бертран уселся на софу, а я устроилась в кресле напротив.

Бертран некоторое время молча рассматривал меня, в напряженном взгляде читалось выражение, которое я не смогла разобрать. На кухне микроволновка подогревала мой ужин, отчего по квартире вился аромат белой рыбы, моркови и риса, приправленного карри.

«Сам пришел – тебе и карты в руки», – подумала я, не собираясь первой прерывать затянувшееся молчание. Наконец он произнес:

– Я по поводу Райана.

– Да.

– Я получил твои сообщения, но просто не мог говорить об этом тогда.

– О чем «об этом»?

– Его не выпускают на поруки, потому что его обвинили в...

– Я знаю, какие обвинения ему предъявили.

– Не злись на меня. Я ведь не имел ни малейшего представления о том, насколько ты замешана во все это.

– Ради бога, Бертран, сколько лет уже мы знакомы?

– Райана, черт возьми, я знал гораздо дольше! – раздраженно проговорил он. – Очевидно, плохой из меня знаток людей.

– По-видимому, мы оба не отличаемся в подобных делах.

Я не хотела вести себя так холодно и неприветливо, но меня задело нежелание Бертрана позвонить мне. В ту минуту, когда мне понадобилась важная для меня информация, он просто взял и отшил меня, словно я уличный алкаш, выпрашивающий у него подачки.

– Послушай, просто не представляю, что и сказать тебе. Все сделалось гораздо запутаннее, чем... Я слышал, когда они закончат с Райаном, его даже и близко к полиции не подпустят.

– Неужели так плохо? – Я уставилась на свои пальцы, теребящие бахрому диванной подушки.

– У них на руках достаточно улик, чтобы предъявить обвинение хоть завтра.

– Что именно?

– При обыске в его квартире обнаружено столько метамфетамина, что можно запросто отправить на электрический стул все население какой-нибудь страны третьего мира. Вдобавок еще нашли ворованные парки на сумму свыше десяти тысяч долларов.

– Парки?

– Да. Такие французско-канадские куртки, которые все спят и видят, как бы приобрести.

– Что еще? – Я так сильно накрутила бахрому, что руку и запястье пронзила острая боль.

– А также свидетели, видеозаписи, помеченные денежные купюры и смердящий след, ведущий прямехонько в центр навозной кучи. – Голос Бертрана дрожал от сдерживаемых эмоций. Он замолчал и сделал глубокий вдох. – Есть еще кое-что. Черт, много еще всякого дерьма, но я не могу говорить об этом. Пожалуйста, Темпе, пойми меня. Послушай, мне очень жаль, что я оставил тебя в подвешенном состоянии. Мне самому понадобилось некоторое время, чтобы справиться с ударом. Я просто не хотел верить, но...

Он прервался – голос подвел его. Справившись, Бертран продолжил:

– Думаю, этот парень так и не сумел полностью избавиться от своего прошлого.

В студенческие годы Райан подсел на спиртное и наркотики. В конечном счете он предпочел сухому академическому существованию свободную жизнь среди отбросов общества. Один кокаинист, мастерски обращающийся с ножом, однажды чуть не отправил его на тот свет, после чего отбившийся от рук юнец взялся за ум, стал полицейским и дослужился до звания лейтенанта-детектива. Я знала об этих страницах из прошлого Райана. Но тем не менее...

– Я выяснил, что кто-то сдал Райана, и подумал, что это ты. Но сейчас уже не важно, кто помог полиции. Сукин сын по уши погряз в дерьме, и виноват в этом только он сам, так что пусть получит по заслугам.

Последовало долгое молчание. Я чувствовала на себе пристальный взгляд Бертрана, но продолжала упорно отводить глаза и молчать. Загудела микроволновка, затем автоматически выключилась. Воцарилась тишина. Наконец я задала вопрос:

– Ты и вправду веришь, что он замешан? – Мои щеки запылали, сердце тревожно забилося.

– Последние несколько дней я только и делал, что пытался найти доказательства его невиновности. Бесполезно. Ничего. Никого. А мне требовалась хотя бы тень сомнения. – Жан бурно жестикулировал, и я заметила, что его рука слегка дрожит. – Но сомнению места не осталось, Темпе.

Он устало провел рукой по лицу.

– Впрочем, сейчас это уже не имеет никакого значения.

– Напротив, это важно. Только это и важно.

– Сначала я думал, что такое совершенно невозможно. Кто угодно, только не Эндрю Райан. А потом ознакомился с материалами дела. – Он снова глубоко вдохнул. – Послушай, Темпе, мне очень жаль. Прости за всю эту проклятую неразбериху. Я уже и не знаю, кто я и куда катится мир. И не уверен, что цена за поездку стоит того.

Я посмотрела на Бертрана – его лицо исказилось от душевных страданий. Я точно знала, что он сейчас чувствует. Он пытается не презирать бывшего напарника за то, что тот пошел на поводу у собственной алчности, и в то же время ненавидит Эндрю за глубокую, холодную пустоту, образовавшуюся в душе после предательства.

Бертран обещал дать мне знать, как только выяснит что-нибудь еще. После его ухода я выбросила в мусорное ведро рыбу и долго плакала, пока не заснула.

10

В четверг я надела темно-синий костюм и поехала в церковь Пресвятой Девы Марии. С утра погода выдалась пасмурная, дул сильный ветер, солнце лишь изредка выглядывало сквозь стремительно пронесившиеся по небу свинцовые тучи.

Я припарковалась, вышла из машины и направилась к входу, миновав обычное в подобных обстоятельствах сборище зевак, журналистов и полицейских. Шарбонно, Клоделя и Куикуотера пока нигде не было видно.

Желающие проводить девочку в последний путь, в большинстве своем африканцы, с мрачными лицами медленным потоком поднимались по ступенькам. Белые прибывали парами или небольшими группами, ведя с собой детей. Наверное, это были одноклассники Эмили-Энн с родителями.

Недалеко от входа внезапный порыв ветра сорвал шляпку с головы пожилой женщины, идущей справа от меня. Одна заскорюзлая рука взлетела к голове, в то время как вторая придерживала юбку, вихрем взметнувшуюся вокруг ног.

Я ринулась вперед, успела придавить шляпку к стене церкви, не дав ей улететь, и затем протянула женщине. Та прижала шляпку к костлявой груди и слабо улыбнулась. Ее испещренное морщинами темное лицо напомнило мне о куклах, изготавливаемых умелицами из Грейт-Смоки-Маунтинс.

– Вы были другом Эмили-Энн? – спросила меня старушка хриплым голосом.

– Да, мадам. – Мне не хотелось говорить сейчас, что именно связывает меня с девочкой.

– Она моя внучка.

– Примите мои соболезнования, такая невосполнимая потеря.

– У меня двадцать два внука, но такой, как моя Эмили-Энн, на свете больше нет. Этот ребенок чем только не занимается. Она пишет рассказы, танцует, плавает, катается на коньках. Думаю, девочка умнее даже, чем ее мать.

– Она была замечательной маленькой девочкой.

– Может, именно поэтому Господь взял ее на небо.

Я смотрела, как бабушка Эмили-Энн входит дрожащей походкой в церковь, а сама мысленно вернулась в далекое прошлое, когда мне довелось услышать те же самые слова. В груди вспыхнула застарелая боль, и я собралась с силами, чтобы справиться с тем, с чем мне предстояло сейчас столкнуться.

Внутри церкви было холодно, пахло ладаном, воском и лакированным деревом. Сквозь витражи струился дневной свет, окрашивая помещение в приглушенные пастельные тона.

Передние скамьи были заняты, тогда как в середине оставались свободные места. Я тихонько проскользнула на задний ряд, сложила руки и попыталась сконцентрироваться на настоящем. Кожа уже начала зудеть, ладони вспотели. Пока я осматривалась, органист закончил играть один реквием и перешел к другому.

Под алтарем стоял маленький белый гробик, усыпанный цветами и окруженный свечами. К его ручкам цеплялись воздушные шары, плавно покачивающиеся на длинных завязках. Яркие разноцветные шары выглядели совершенно неуместно в подобной обстановке.

На передней скамье я увидела крупную женщину, по бокам – две маленькие головки. Миссис Туссен подалась вперед, прижав ко рту носовой платок. Я заметила, как ее плечи начали судорожно сжиматься, и тогда поднялась крошечная ручка и нежно прикоснулась к плечу скорбящей женщины.

Дремлющая боль внутри меня вдруг проснулась, и я снова очутилась в приходе Святого Варнавы. За кафедрой возвышался отец Моррисон, а мой младший братишка точно так же, как эта девочка, лежал в маленьком гробике.

Было невыносимо слышать рыдания матери, и я потянулась, чтобы успокоить ее. Но она не осознала моего касания, просто прижала крошку Гарриет к груди и плакала, уткнувшись лицом в ее голову. Чувствуя собственную беспомощность, я только смотрела, как шелковистые светлые волосы сестренки намокают от слез матери.

Если бы мне дали коробку с цветными карандашами и попросили нарисовать, каким был мой мир в шесть лет, я бы выбрала один-единственный цвет. Черный.

Не в моих силах оказалось спасти Кевина, я не сумела остановить лейкемию, истощавшую его детское тельце. Он был моим самым драгоценным подарком, моим рождественским братиком, и я обожала его. Я молилась и молилась, но так и не смогла предотвратить его смерть. Как не смогла вернуть улыбку на лицо матери. Я даже начала думать, не лежит ли на мне проклятие, так как мои молитвы остались не услышанными.

Прошло уже почти сорок лет, а боль от смерти Кевина так и не ушла. Когда я вижу, слышу, вдыхаю запахи погребальной мессы, эта сердечная рана снова начинает ныть, отчего восприятие мира постепенно окрашивается в цвета глубоко запрятанного, но и по сей день мучительного горя.

Я отвернулась от семьи Туссен и пробежала взглядом по толпе. Шарбонно укрылся в тени исповедальни, но больше я никого не узнала.

В эту минуту вошел священник и осенил себя крестным знаменем. Молодой, спортивного телосложения, он казался слегка взволнованным и больше походил на теннисиста перед началом матча, чем на священника в преддверии погребальной службы. Все встали.

Сейчас, когда я словно вернулась в прошлое и снова встала, чтобы проводить в последний путь Кевина, моя кожа запылала, а сердце забилося быстрее, чем следовало. Я попыталась взять себя в руки, но мозг отказывался принять реальность. Перед глазами замелькали образы из детства.

Необъятная женщина вышла на кафедру справа от алтаря. Кожа цвета красного дерева, волосы собраны в косичку. Ее щеки блестели от пота, когда она пела гимн «Удивительная благодать». Я вспомнила, что видела ее фотографию в газетах.

Потом священник заговорил о детской невинности. Родственники сказали несколько слов о жизнерадостном характере Эмили-Энн, о ее любви к семье. Ее дядя упомянул о том, как сильно девочка любила вафли. Учитель рассказал о своей увлеченной ученице и прочитал сочинение, занявшее первое место в школьном конкурсе. Один из одноклассников продекламировал написанное им самим стихотворение.

И вновь гимны. Месса. Верующие по очереди причастились, затем снова заняли свои места. Слышались приглушенные рыдания. Пахло ладаном. Гроб освятили. Едва слышные причитания миссис Туссен.

Наконец священник повернулся и попросил сестер Эмили-Энн и ее одноклассников подойти к нему, затем сел на ведущие к алтарю ступеньки. На несколько минут все застыли, но потом дети начали вставать, повинувшись родительскому шепоту и легким подталкиваниям. По очереди они покидали свои места и робко приближались к алтарю.

Священник заговорил. В его словах не было ничего необычного. Эмили-Энн сейчас на небесах вместе с Господом. Она воссоединилась со своим отцом. Наступит день, когда мать и сестры присоединятся к ней, как и все присутствующие сейчас в церкви.

Однако затем молодой проповедник сделал нечто необычное. Он сказал детям, что Эмили-Энн счастлива на небе и что нам всем надо радоваться вместе с ней. Он дал знак своим помощникам, которые скрылись в ризнице и вернулись с большими связками воздушных шариков.

– Эти шары наполнены гелием, – объяснил священник. – Поэтому они могут летать. Я хочу, чтобы каждый из вас взял один, и затем мы вместе с Эмили-Энн пойдем на улицу. Мы произнесем прощальную молитву и отпустим шары в небо. Эмили-Энн их заметит и будет знать, что мы любим ее. – Он взглянул в торжественные маленькие лица. – Ну как, вам нравится это предложение?

Все единодушно кивнули.

Проповедник встал, распутал веревки, вложил по одной в каждую маленькую ручку и повел детей вниз по ступенькам. Органист заиграл «Аве Мария» Шуберта.

Вперед выступили несколько человек, подняли гробик и понесли его к двери. По мере их продвижения к выходу церковные скамьи пустели – присутствующие присоединялись к процессии. Я незаметно пристроилась в конце.

Все вышли наружу, затем дети встали в круг, а взрослые обступили их. Миссис Туссен стояла за спинами дочерей, опираясь на руку певицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.